

АННА ДЖЕЙН

РАЗРЕШИ

ЛЮБИТЬ

Позволь мне быть рядом

18+

Навсегда в моем сердце

Анна Джейн

**Разрешите любить. Позвольте
мне быть рядом. Книга 2**

«Автор»

2026

Джейн А.

Разрешить любить. Позволь мне быть рядом. Книга 2 / А. Джейн — «Автор», 2026 — (Навсегда в моем сердце)

Он потерял любимую и поклялся, что никогда больше никого не полюбит. В его сердце навсегда останется лишь она, его нежная девочка. Но однажды он встретил девушку, которая неуловимо напоминает ему о первой любви. У нее тот же запах, та же фигура и тот же голос, только лицо другое. Она дочь опасного человека. Какой секрет она хранит? И сможет ли заменить ту, которую он так сильно любил? Он пойдет на все, чтобы узнать правду.

Содержание

Пролог. Последний шанс	6
Часть 1. Возрождение чувств. Глава 1. Спасение	9
Глава 2. Шестое чувство	13
Глава 3. Одержимость	21
Глава 4. Неслучайный диалог	29
Глава 5. Загадочная коллега	33
Глава 6. Ужин на высшем уровне	39
Глава 7. Поцелуй в библиотеке	49
Глава 8. Откровенный разговор	53
Глава 9. Точка кипения	61
Глава 10. Лучшие друзья	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Анна Джейн

Разрешить любить. Позволь мне быть рядом. Книга 2

*Посвящается друзьям и единомышленникам,
благодаря которым эта история увидела свет.*

Ненавидеть — это легко, любить — это прекрасно.

*Искра любви становится пламенем
и разгорается в большой огонь.
(8:6) Песнь Песней Соломона*

Пролог. Последний шанс

Самолет приземлился в аэропорту города, с которым связаны не самые лучшие воспоминания. Мне стало не по себе, появилась тревога. Отец ведь предупреждал об опасности, которая может подстергать меня, если с ним что-то случится. Неужели он знал, что с ним произойдет? Его фраза «это запасной план» крутилась у меня в голове, а следом — слова Марка о наследниках и Игната о грозящей нам опасности. Если раньше я не принимала сказанные предостережения и не понимала их, то теперь сполна ощутила всю опасность и осознала риски происходящего. Мне стало нехорошо, но вернуться я не могла. Оставалось идти только вперед.

Через час, обойдя несколько однотипных улиц, я наконец подошла к нужному дому. Пришлось поплутать, так как точного адреса я не знала. Но мне повезло, красная крыша выделялась на фоне серых зданий, да и пышный куст сирени у забора выглядел примечательно. Я сделала все так, как говорил Вальзер: нашла ключ под этим самым кустом и вошла в дом.

Внутри было пусто и холодно. Меня встретила тишина, тяжелая, почти осязаемая. На удивление в доме было электричество: когда я без надежды нажала на выключатель, зажглась огромная люстра и небольшой холл осветился тусклым желтым светом. Я не стала долго разглядывать окружающее пространство. Чужие стены давили, пустота казалась бездонной. Здесь было так тягостно, что хотелось развернуться и бежать, но я не могла этого сделать, отступить было нельзя.

В доме давно никто не жил, и это было видно с первого взгляда. На стенах и роскошной мебели поселилась пыль, скрывая следы прошлого присутствия хозяев. Из-за железных решеток на окнах снаружи и тяжелых алых штор внутри в доме царил полумрак. Тусклый свет в небольшом холле, стены которого были выкрашены в мрачные тона, не мог разогнать тягостное ощущение, что с хозяевами случилось нечто неладное. Дом казался вымершим. Словно кто-то начал здесь новую жизнь, но по какой-то причине был вынужден сбежать, так и не успев привести жилище в порядок. На душе стало тоскливо. Я заметила, что у меня похолодели руки.

Я обошла весь первый этаж, чувствуя, как от напряжения разболелись все мышцы, и наконец-то обнаружила дверь в подвал. Вниз вела узкая деревянная лестница. Темнота, словно живая, обволакивала ступени, и мне показалось, что внизу меня ждет что-то страшное. Все это напоминало сцену из фильмов ужасов. Я сделала шаг, чувствуя, как холодные мурашки пробегают по спине.

Подвал оказался просторным, но почти пустым. Лампа в углу бросала слабый свет, едва помогая разглядеть, что находится передо мной. Старые доски, поломанная мебель, какие-то коробки, в беспорядке разбросанные по полу. Все выглядело так, будто вещи в подвале оставили в спешке. Я начала поиски. Мне пришлось осмотреть все помещение, прежде чем за горой мусора, в самом углу, я нашла металлический сейф. Большой, массивный, он был похож на неприступную крепость.

«Какие тайны ты скрываешь?» — подумала я, проводя ладонью по холодной металлической поверхности.

Я набрала код, который назвал мне Вальзер, и затаила дыхание, но... ничего. Щелчка не было. Попробовала еще раз — и снова ничего не произошло. Я не могла ошибиться. Неужели я забыла слова Вальзера, своего нового отца? Нет, не могла! Я хорошо их помнила. Паника подступила к горлу. Сжав кулаки, я в отчаянии пнула сейф, будто это могло помочь.

«Что я здесь делаю?» — думала я, дрожа всем телом, и обхватив себя за плечи. — Последний шанс сделать хоть что-то значимое — и я с ним не справилась. Я потеряла столько лет, похоронив себя и надежду. Смирилась, не сумев бороться. На кону стояло слишком многое. И теперь, когда жизнь дала мне возможность снова стать счастливой и свободной, я не справилась».

Слезы, которые я так долго сдерживала, потекли из глаз, оставляя на щеках соленые следы. В поисках ответа я металась по подвалу из угла в угол.

Выбившись из сил и потеряв надежду, решила подняться на верхний этаж, чтобы отдышаться. В гостиной почти не было мебели: лишь большой диван из черной кожи, два кресла, обитые бархатом, овальный стол да заваленные коробками углы.

Я подошла к окну и слегка отодвинула тяжелую штору — окна гостиной выходили во двор. Время пролетело незаметно, и уже стемнело, на улице было удивительно тихо. Только где-то вдалеке еле слышно напевали свои мелодии ночные птицы. Полная луна освещала двор, создавая игру теней от деревьев и кустарников. Я задумалась, снова прокручивая в голове комбинацию цифр, вспоминая код от сейфа. Вдруг мне показалось, что в кустах промелькнул еле заметный силуэт.

Испугавшись, я отшатнулась от окна и спряталась за тяжелой шторой. Что это было? Игра моего воображения? Или во дворе действительно кто-то находился?

Я прислушалась, но дом ответил лишь зловещей тишиной. Сделав глубокий вдох, снова выглянула в окно. Но снаружи ничего подозрительного больше не происходило, листья деревьев шелестели от ветра, наполняя двор сонным спокойствием. Отодвинувшись от окна, я еще плотнее задернула шторы. Тревога не покидала меня. В отчаянии побродив по дому, снова спустилась в подвал, перебирая в голове возможные комбинации. «Должно быть, я что-то упустила. Ответ где-то рядом», — уговаривала себя, но не могла вспомнить ничего нового. И тут на ум пришла бредовая мысль, настолько простая и ужасная одновременно, что мне даже стало страшно за себя, если она окажется верной. И все же я решила попробовать и дрожащими пальцами набрала код.

В тишине раздался щелчок, словно выстрел. Я вздрогнула. То, что произошло, не могло быть реальностью. Неужели Вальзер все узнал? Меня бросило в жар, а потом обдало холодом. Казалось, что я угодила в ловушку и за мной кто-то наблюдает. Может, Вальзер специально заманил меня в капкан, чтобы убить без свидетелей? Я не могла поверить, выдохнула, собираясь с мыслями. Сейчас или никогда.

Дверца сейфа поддалась. Внутри было слишком много всего: пачки денег, какие-то документы, банковские карты с указанием кодов. Среди бумаг я нашла паспорта — мой и Мэри. В документах — наши фотографии, но имена чужие. Последним лежало письмо. Оно словно ждало меня. Я взяла его в руки, чувствуя, как колотится сердце.

Прочитав письмо, я сложила документы, банковские карты и часть денег в свою дорожную сумку и почувствовала, как она стала тяжелой. Я аккуратно закрыла сейф. На душе стало тошно, будто его железные двери заперли и мои надежды. Слезы, которые я больше не могла сдерживать, обжигали щеки.

Долго оставаться здесь было нельзя, но идти в ночь с деньгами мне казалось еще более опасной затеей. С каждым шагом туман в голове становился гуще. Я поднялась наверх, глотая слезы.

Я остановилась у окна и, отодвинув штору, с опаской посмотрела наружу. Темнота, густая, как чернила, меня пугала. Двор пустовал, но ощущение, что кто-то бродит рядом, не покидало. Сердце замирало от каждого шороха. Через пару часов наступит рассвет, и я смогу выбраться отсюда незамеченной. Но сейчас мне хотелось спрятаться. Закрыться от всего мира, хотя бы ненадолго.

От всего пережитого меня потряхивало, я забралась в кресло и свернулась клубком, как ребенок. Мысли путались. Я думала о будущем, о том, как пережить эту ночь, и о том, что ждет меня дальше. Усталость взяла верх, тяжелые веки закрылись, и я погрузилась в беспокойный, тревожный сон.

Сквозь дремоту я услышала, как открывается входная дверь. Кто-то медленно и осторожно поворачивал ключ. Сердце замерло, но сознание продолжало убаюкивать меня словами:

«Это всего лишь сон». Затем — шаги. Тихие, но уверенные, разрывающие тишину ночи. Звуки становились все ближе и отчетливее.

Я чувствовала, как страх окутывает меня липкой паутиной, словно паук тянет свои невидимые нити, сковывая каждое движение. Сердце начало колотиться, бешено, гулко. Казалось, оно сейчас выпрыгнет из груди. «Кто это?» — зазвучало в голове, но ответа не было. Только шаги. Они становились ближе. Я чувствовала на себе чей-то взгляд и хотела проснуться и спрятаться, но не могла. Не понимала, это происходит со мной во сне или наяву? Я не знала, что мне делать. Бежать, укрыться? Но тело не слушалось. Ноги будто заковали в цепи. Хотела закричать, но тоже не могла. Рот словно заклеили, голос отказывался подчиняться.

Шаги замедлились. Потом начали удаляться, становясь тише. Я поняла: кто-то спускается в подвал. Казалось, что вместе с удаляющимися шагами мои последние шансы на спасение утекают в темноту. Ночная тишина снова накрыла дом. Грудь сдавило от безысходности.

«Ну все, мне конец», — подумала я, готовясь к худшему, и вцепилась в подлокотник кресла, словно это могло меня спасти...

Часть 1. Возрождение чувств. Глава 1. Спасение

Два месяца назад.

От ужаса я дернулась и почувствовала острый укол лезвия в шею. По коже потекло что-то теплое.

— Не дергайся, — приказал мужчина, не отпуская меня. — Будешь вести себя хорошо, останешься живой. Поняла?

В ответ я промычала в его ладонь что-то неразборчивое. Ужас, сковавший меня, был такой силы, что я с трудом осознавала реальность. Это все происходило будто не со мной, а с кем-то другим. Я просто смотрю какое-то страшное кино...

— Идешь со мной, стерва. Никаких звуков и лишних движений. — Мужчина плотнее прижал лезвие к моей шее, делая еще больнее. А затем рывком поднял меня на ноги, которые подкашивались, как у сломанной куклы. — Может быть, твой папаша тебя спасет. — И он хрипло рассмеялся.

Я вдруг снова услышала шум и подняла взгляд. За полураскрытой дверью находилась еще одна тень. Это был Игнат, и когда я поняла, кто там, страх и отчаяние отступили. Стало спокойно, несмотря на то что к моей шее какой-то ублюдок прижимал лезвие ножа — так, что по ней текла кровь. Я знала, что мой мальчик не оставит меня в беде. Спасет. Как спасал раньше.

Наши с Игнатом взгляды встретились, и он покачал головой, давая понять, чтобы я не выдавала его. Это заняло буквально две или три секунды — проникший в мой номер мужчина ничего не заподозрил. Он грубо поволок меня в сторону двери, совершенно не ожидая нападения. Игнат появился внезапно, набросился на похитителя со спины, и тот на мгновение растерялся. Выпустил меня и накинулся на Игната. Завязалась борьба — жестокая и молчаливая, без криков и гулких ударов, как это обычно бывает в фильмах.

Дальнейшие события сохранились в моей памяти как обрывочные картинки, наполненные страхом — не за себя, а страхом за Игната. Я выбежала в коридор и стала звать на помощь. Кричала так истерично и громко, что почти тут же появились люди — постояльцы и охрана Вальзера. Они забежали в номер, не давая мне возможности последовать за ними. А спустя несколько минут вышли, волоча за собой небритого мужчину с окровавленным лицом. Моего несостоявшегося похитителя. Увидев меня, он ухмыльнулся:

— Фартовая ты.

Но тут же получил под дых от одного из охранников и замолчал. Только до него мне дела не было — я хотела знать, что с Игнатом. Он все еще оставался внутри. А вдруг охрана Вальзера решила, что они заодно?! И что-нибудь с ним сделала? Или этот урод ранил Игната?..

Я рванула обратно в номер, не слушая ничьих криков. Теперь всюду горел яркий свет, на полу краснели капли крови. В прихожей и гостиной все было перевернуто вверх ногами — видимо, из-за борьбы. Бледный Игнат сидел на полу, привалившись к стене и откинув назад голову — так, что на шее выступал кадык. Темные волосы полукольцами прилипли ко лбу, дыхание казалось тяжелым, а на рубашке виднелись пятна крови. Рядом валялся окровавленный нож. Господи, Игнат ранен... Ранен из-за меня! Он увидел меня и попытался улыбнуться.

— Влада, ты в порядке? — В его голосе было столько нежности, что она опалила сердце.

— Да... А ты?.. А ты как?!

Совершенно не контролируя себя, я бросилась к Игнату, упала на колени рядом, обхватила ладонями его лицо, заглянула в глаза и спросила странным тонким голосом:

— Тебе... Тебе больно?

Глядя мне в глаза, Игнат медленно кивнул.

— Где? — прошептала я, перепугавшись так, что удавкой сдавило горло. — Где больно? Скажи...

Он молча прижал ладонь к левой стороне груди. От ужаса внутри все перевернулось. Сердце? Его ранили в сердце? Что теперь будет? Игната ждет... смерть?

Смерть. Слово-стрела, пронзающее насквозь. Слово-боль, после которого хочется выть. Слово-вечность, в которое вмерзает душа. Слово, после которого больше ничего нет.

Лучше бы это меня ранили. Только не его. За что ему эта боль?..

— Тебя ранили в сердце? — прошептала я, сжимая лицо Игната и вглядываясь в янтарные глаза. Каждое слово давалось с трудом.

Наверное, на моем лице отразился такой ужас, что Игнат замотал головой, накрыв мои ладони своими.

— Нет-нет, ты не так поняла, Влада... Так, несколько царапин, ничего страшного, — заговорил он. — Я в порядке. Все хорошо. А ты... У тебя порез на шее. Больно, моя девочка?

— Нет... Я тоже в порядке, — с трудом произнесла я.

Игнат подался вперед, привлекая меня к себе и обнимая, а я и не сопротивлялась. В его объятиях было тепло и безопасно. Я положила голову ему на его плечо и зачем-то вцепилась в его широкое запястье.

— Все хорошо, малыш, — шептал Игнат, крепче прижимая меня к себе. — Все хорошо. Ты так дрожишь... Не бойся, маленькая, все позади. Никто больше тебя не тронет. Веришь?

— Верю, — проговорила я с трудом, зарываясь носом в его плечо и вдыхая знакомый запах. Ты мой, только мой, Игнат. Мой...

Мне хотелось просидеть с ним так целую вечность, но уже спустя минуту меня подняли на ноги люди Вальзера. И, не давая больше ничего сказать Игнату, куда-то повели. Я в панике оглядывалась на Игната, не желая уходить от него, даже кричала что-то, но мне все равно не позволили остаться. Сказали, что должны следовать указаниям отца. Меня посадили в машину, в которой спустя несколько минут оказалась перепуганная Мэри, явно переборщившая с алкоголем, и нас повезли домой. День рождения закончился несостоявшимся похищением.

С Вальзером я встретила только на следующий день, вечером — все это время он отсутствовал. Я так и не смогла уснуть, воспоминания о случившемся не давали мне сомкнуть глаз. Просто лежала в кровати, сжимая одеяло, и думала об Игнате. А еще почему-то о маме. Плакать и кричать не хотелось — хотелось спрятаться. Забиться поглубже в нору и закрыть глаза, чтобы утонуть в вечности.

Когда в комнате появился Вальзер, я сидела у окна и смотрела на окрашенное закатом небо.

— Дочка, ты как? — осторожно спросил он, встав рядом. Какой-то небритый и уставший. И злой, очень злой. Хотя Вальзер и казался спокойным, от него исходила агрессия, а мне оставалось лишь радоваться, что она направлена не на меня.

— Все хорошо, — тихо ответила я.

— Сильно испугалась?

— Сначала да... Сейчас уже в порядке. А что хотел этот человек?

В глазах у Вальзера промелькнула лютая ненависть, которая на мгновение заострила черты его лица. Но он взял себя в руки и попытался спокойно ответить:

— Одни твари... то есть, нехорошие люди хотели украсть тебя, чтобы надавить на меня. Мой промах. Недогадал. — Вальзер на несколько секунд замолчал. — Я многим как кость в горле. Боятся задохнуться, но и выплюнуть не могут. Пытаются сожрать всеми способами. Но я их всех поломаю, дочка. Каждого. Не бойся, защищу. Пока не разберусь с этими людьми, рядом с тобой будет охрана. Постарайся никуда не выходить, побудь дома, хорошо?

— Хорошо. А что с Игнатом? — живо спросила я. — Он спас меня...

— В порядке, — коротко ответил Вальзер. — Есть пара царапин, но пустяки.

Я облегченно выдохнула. С моим мальчиком все хорошо. И это главное.

— А с тем мужчиной что?

— Тебе лучше не знать, дочка, — усмехнулся Вальзер.

Я похолодела. Они его пытали? Убили? Действительно, лучше не знать.

— Игнат говорит, возвращался в свой номер и увидел, как дверь к тебе взламывает какой-то тип. Ну и пошел следом. Только... Влада, откуда Елецкий знал, что номер твой? — Глаза Вальзера сделались пытливыми. Может быть, он что-то заподозрил?

— Кажется, мы встретились на этаже, — пожала я плечами, стараясь быть равнодушной. — Плохо помню, голова болела после праздника.

Вальзер кивнул. Видимо, Игнат сказал то же самое. Это ведь действительно так. Почти.

— Буду честен. Не ожидал от него. Но благодарен. Если бы не Елецкий, кто знает, что бы случилось. Охрану, которая должна была тебя защищать, в шею погнал. С тобой новые парни будут. Не бойся. И да, помнишь про дом, Влада? С красной крышей.

— Помню, — вздохнула я.

Вместо ответа Вальзер прикрыл глаза, словно говоря: «Хорошо». Неумело погладил меня по голове и ушел. Только после этого разговора я смогла заснуть.

На следующий день из гостиницы мне привезли подарок Игната и визитку, которая так и лежала на подоконнике. Я специально звонила и просила управляющего об услуге. Слава Богу, и визитку, и подаренную Игнатом бабочку не выкинули при уборке номера. Я нацепила брошь на домашнее платье — так сильно она мне нравилась — и долго вертела в пальцах визитку Игната. Его номер. Новый, не тот, что был когда-то прежде. Может быть, я могу ему позвонить? Услышать голос... Тем более, у меня есть официальный повод — поблагодарить за спасение.

Несколько дней я кружила вокруг телефона, словно девочка-подросток, не решаясь набрать номер Игната. Но все-таки сделала это. Гудок, еще один гудок, еще... Трубку, наконец, подняли. Только вместо голоса Игната я услышала другой голос — женский и тонкий, смутно знакомый.

— Слушаю вас, — сказала девушка.

— Здравствуйте. Я, наверное, ошиблась номером, — запаниковала я, решив, что неправильно набрала, но она произнесла:

— Вам нужен Игнат Константинович?

— Да, — ответила я. — Вы его секретарь?

В ответ раздался хрустальный смех.

— Нет, я его невеста. Игнат в душе, а я взяла телефон, потому что он лежал рядом с нашей кроватью.

Алекса. Вот кто со мной разговаривает! Ее слова резали по живому. «Наша кровать»? Значит, они живут вместе? И спят вместе... Я облизнула пересохшие губы. А что я хотела? Она его невеста...

— А кто вы? — продолжала Алекса, даже не представляя, что происходит у меня на душе.

— Сотрудница центрального офиса, — соврала я зачем-то.

— Вот оно что! Может быть, мне что-то передать Игнату? — спросила девушка.

— Нет, не нужно, — быстро ответила я. — Я перезвоню Игнату... Константиновичу позднее. Когда он будет свободен.

— Он будет свободен завтра, — снова раздался хрустальный смех Алексы. — Сегодня у нас особый день.

— Простите, что побеспокоила, — пробормотала я, чувствуя себя идиоткой.

— Все в порядке.

Мы попрощались, но трубку Алекса успела положить не сразу. Я услышала, как она говорит:

— Милый, ты такой красивый. Иди ко мне.

После этого снова раздались гудки, а я отбросила телефон в сторону. Это была плохая идея.

Неделю ничего не происходило. Все было спокойно, никаких новостей. Размеренная привычная жизнь. Привычная золотая клетка. Разве что звонил Стас, чтобы в подробностях расспросить, что произошло. Он был так зол, что даже не язвил, как обычно. А в конце предупредил:

— Ты должна жить, Владочка. Ты же знаешь это? Хватайся за свою жизнь обеими руками, чтобы и твоя мать жила.

— Знаю, — выдохнула я в трубку.

— Ну и молодец. Как все не вовремя, — выругался Стас и бросил трубку. А я вернулась за стол, на котором лежали листы бумаги, карандаши, фломастеры и мелки. Мэри посадила меня на нейрографику, которую ей посоветовал психотерапевт. Мачеха заявила мне, что это способ работы с подсознанием. Мол, ей помогает снять напряжение. Я быстро освоила этот метод — сначала рисовала на листке непрерывную произвольную черту, затем сглаживала острые углы плавными линиями и закрашивала сегменты. Странно, но пользоваться хотелось только черным и красными карандашами. Другие цвета не привлекали меня. Я будто не видела их. Только черный и красный. Тьма и кровь. Ничего больше.

Еще через несколько дней Нина, ведущая хозяйство в доме Вальзера, предупредила меня, что ужин сегодня будет раньше и на него приглашены гости. Я решила, что, как бывало обычно, за редкими исключениями, придут Стас и Марк, и надела обычные джинсы и легкую белоснежную блузку, на воротник которой зачем-то прицепила брошь, подаренную Игнатом. Бабочка так нравилась мне, что не хотелось ее снимать. Она напоминала о моем мальчике.

Однако меня ждал сюрприз — вместо Стаса и Марка в гостиной я встретила Игната и Алексу, которая держала его под руку. И смотрела на него так, как смотрит влюбленная женщина на своего мужчину.

Глава 2. Шестое чувство

Игнат стиснул зубы, пытаясь подавить бушующие внутри эмоции. В этом номере, в присутствии Влады, он снова почувствовал себя тем человеком, которым был шесть лет назад, — молодым, счастливым и жаждущим любви. Игнат безошибочно распознал ее одиночество, когда Влада, не дав ему уйти, обхватила за пояс и прижалась, словно в поисках спасения. Он вдруг понял: она боится своего отца. Он чувствовал этот страх, но также ощущал ее покорность обстоятельствам и какую-то надломленность. Происходящее казалось наваждением, но Игнат внезапно осознал, что если спасет Владу, то и сам спасется. «Ты моя. Почему ты этого не видишь?» — хотелось выкрикнуть Игнату.

Когда она вывела его из номера, Игнат хотел схватить ее за руку, прижать к себе и просто забрать с собой. Неважно куда. Хотел спрятать, укрыть от всего — от жестокого мира, от чужих глаз и холодных прикосновений. Укрыть от мира, в котором они оба были одиноки. Но Влада была ему запрещена!

Она казалась воплощением всего, что он потерял. И в этом таилась невыносимая боль. Ее глаза, движения, даже отчаянный жест, когда она ударила его по щеке за дерзкие слова о Вальзере, — все напоминало ему Ярославу. Владислава сделала то, что ни одна женщина себе не позволяла. Но стоило ей коснуться его щеки, и он словно оказался в прошлом, когда Яра была рядом, гладила его лицо, а он любовался ее глазами. «Прекрати смотреть на меня так. Твои глаза сводят меня с ума!» — кричала душа Игната.

Она касалась его лица, а перед глазами стоял образ Яси. В глазах Влады он видел, любовь и боль, точно такие же, какие видел шесть лет назад в глазах Яси. Мир после ухода Ярославы казался ему выцветшим. И как бы Игнат ни пытался отгородиться работой, встречами с девушками на одну ночь и даже фиктивным браком с Алексой, ощущение пустоты внутри не покидало его. Только после встречи с Владой он вновь почувствовал себя живым. Пусть и ненадолго. Таким живым, что сердцу становилось тесно в груди, бросало в жар и холод от одного взгляда девушки. Таким живым, что хотелось дышать до разрыва легких и при том задышаться от нежности. Таким живым, каким чувствовал себя рядом с Ясей.

«Почему ты? Почему именно ты?» — отчаянно думал он, глядя на Владу. Стало нестерпимо больно, так, что хотелось сложиться пополам и зареветь диким зверем. За что ему это проклятие? Почему память о Ярославе оживает так ярко и сводит его с ума рядом с дочерью Вальзера?

В тот момент он принял решение. Узнать Владу поближе, разгадать ее. Хотя Игнат понимал, что Влада права: у него не было шансов. Она ясно дала понять, что не подпустит его к себе. Но это не останавливало его. Он привык получать то, чего хотел. И он хотел Владу.

Игнат покинул номер с ощущением пустоты от безысходности. Его сердце ныло, будто кто-то сжал его в тисках. Все, что ему оставалось — ждать ее звонка. А он не привык переступать через свою гордость ради женщины, которая в нем не заинтересована. Не желая оставаться наедине с гнетущими мыслями, от которых снова начнет сходить с ума, Игнат спустился вниз, и зашел в бар в поисках Сержа. Он надеялся, что тот сможет отвлечь его от страданий, которые раздирали душу. Но сам же понимал — ничто не поможет. Ни Серж, ни алкоголь, ни работа, ни другие девушки. Все его мысли теперь принадлежали только ей. Друга он нашел быстро, но компания, в которой тот проводил время, оказалась неожиданной. Серж вел оживленный разговор с женихом Влады.

Игнат сжал от злости зубы так, что они заскрипели. Марк его откровенно раздражал. Дело было не только в ревности к Владе — Игнату почему-то казалось, что ее предстоящий брак с Марком основан скорее на расчете, чем на любви. Дело было в другом — этот тип был подозрительным, в его поведении чувствовалась фальшь.

Хорош Серж, нашел себе компанию! Игнат понимал, что, если подойдет к ним и вмешается в разговор, ничего хорошего из этого не выйдет. В таком настроении он мог наговорить лишнего, да и кулаки сжимались при воспоминаниях о Владе, сказавшей, что любит Марка всей душой, хотя ее глаза выдавали обратное. Желание Игната хорошенько врезать по его наглой физиономии только усиливалось, отчего сводило мышцы и пальцы сжимались сами собой. Но устроить драку в баре было бы слишком мальчишеским и опрометчивым поступком. О таком непременно донесут Вальзеру. Игнат решил не показываться парням на глаза и устроился в самом конце барной стойки, так чтобы его не было видно.

На душе было тоскливо. Разговор с Владой не принес желаемого результата, но Игнат не ощущал себя проигравшим. Он оставил ей свой номер телефона и подарок. Вопрос только в том, откроет ли девушка его, или выбросит, даже не посмотрев?

Подарок Игнат выбирал сам — редкий случай, ведь обычно такими вещами занималась его секретарь. Но в этот раз он захотел лично купить подарок. Заехав в ювелирный магазин, долго разглядывал витрины и присматривался к украшениям. Когда взгляд зацепился за брошь в виде бабочки, он понял: это то, что нужно, идеальный вариант. И купил не раздумывая.

Бабочка. Удивительно хрупкое и осторожное создание. Она опускается лишь туда, где чувствует себя в безопасности. Игнат хотел, чтобы Влада тоже ничего не боялась, могла свободно порхать. Или, лучше, летела к нему. Он все еще помнил серьги Ярославы в виде бабочек из белого золота. Они были подарком его отца и ее матери на день рождения Яси, изящные, подчеркивающие утонченность девушки. Такими же были их отношения. Образ Яси всегда незримо присутствовал в жизни Игната, на осколках его сознания. Но с появлением Влады он стал вспоминать о Ясе чаще. Думать об этих двух, казалось бы, совершенно разных девушках было странно, даже неправильно. Но Игнат ничего не мог с этим поделать.

Бармен подал ему бокал виски со льдом, но он даже не пригубил. Хотелось сохранить голову ясной, а сознание трезвым. Игнат пришел сюда не для того, чтобы забыться, а чтобы не оставаться в гостиничном номере. Ирония заключалась в том, что среди чужих людей он ощущал себя особенно одиноко.

Как бы ни возросли его сила и влияние, рядом не было человека, которого хотелось бы прижать к груди, почувствовав покой и умиротворение. Шло время, но он остался тем, кто однажды нашел уют и тепло с Ясей и с тех пор закрывался от всего мира, погрузившись в работу. С Владой было иначе. Никаких нежностей она бы не потерпела. Игнат даже усмехнулся, представляя, как быстро она поставила бы его на место за что-то подобное.

В конечном счете Игнат оказался на празднике в честь Влады не для того, чтобы весело провести время. Он был здесь ради нее. Пусть на расстоянии, через стену гостиничного номера и на разных кроватях — ему было важно оставаться рядом. Игнат словно предчувствовал, что он может понадобиться ей, защитить ее. И он не ошибся.

Расплатившись с барменом, Игнат направился в свой номер, отгоняя прочь грустные мысли. Но как только он оказался на нужном этаже, его внимание тут же привлекло движение в конце коридора. Возле двери Влады возился какой-то незнакомец. Неизвестный мужчина пытался проникнуть в ее номер, и его поза, жесты вовсе не казались дружескими, это был не случайный посетитель. От его фигуры исходила опасность.

Игнат замер, мышцы напряглись, а разум тут же понял, действовать надо быстро. Он мог бы попытаться схватить мужчину прямо здесь, в коридоре, но не успел, тот оказался проворнее — бесшумно открыл дверь номера и исчез внутри. Игнат двинулся следом, стараясь перемещаться настолько тихо, насколько мог.

В комнате было темно, но даже сквозь полумрак Игнат уловил, как блестит нож в руках у мужчины. Тот прижимал к горлу Влады холодное блестящее лезвие. Лицо девушки, обычно уверенное и немного дерзкое, сейчас выглядело неестественно бледным, почти прозрачным. А взгляд — полный страха и отчаяния — говорил больше, чем любые слова.

Мужчина что-то шептал, требуя подчинения. Он приказал ей идти вслед за ним. Игнат замер у двери, чувствуя, как кровь пульсирует в висках, разгоняя в нем ярость. Но он знал, что должен сохранить ледяное спокойствие, потому что не мог позволить себе совершить ошибку, допустить еще одну потерю в своей жизни. Не сейчас. Но ради нее.

«Держись, малышка», — мысленно повторил он, когда мужчина, схвативший девушку, грубо рванул ее за плечи. Игнат решил: если действовать, то быстро. Молниеносно. И без промахов. Он двигался бесшумно, словно хищник, стараясь оставаться в тени. И тогда их взгляды встретились. Влада увидела Игната и ее глаза мгновенно наполнились решимостью. Она едва качнула головой, понимая — ему нельзя выдавать себя. Игнат сделал знак: ждать. А потом напряг мышцы, готовясь к броску.

Мужчина потянул Владу ближе к двери, не догадываясь, что они не одни. Его лицо перекосило от злорадства, словно он уже победил.

Рывок — и Игнат оказался за его спиной, крепко обхватил мужчину за шею и заблокировал руку. Тот покачнулся, опуская нож, что дало Владе возможность вырваться.

Испуганная девушка побежала к двери и стала громко звать на помощь. Злые, налившиеся кровью глаза блеснули в темноте, и в следующее мгновение мужчина бросился на Игната. Игнат смог уклониться от прямого удара, но нож полоснул его по груди, оставляя мгновенную и резкую боль. Адреналин бушевал в крови, не давая Игнату остановиться. Все, что сейчас имело значение, — это Влада и ее безопасность.

Нож с глухим звуком вылетел из пальцев нападавшего и упал на пол. Тот попытался рвануть к двери, но Игнат не дал ему шанса — бросился вперед, поймал его за плечи и с силой повалил на пол. Между ними завязалась борьба, дикая и бессловесная. Мужчина не сдавался, но Игнат был готов умереть, лишь бы не дать этому уроду снова приблизиться к Владе. Все происходило как будто в замедленной съемке, хотя в реальности прошло всего лишь пару минут. Когда охрана Вальзера ворвалась в номер, Игнат едва держался на ногах. Телохранители оттащили его и крепко скрутили нападавшего. Елецкий успел увидеть, как того уводят, а затем почувствовал, что силы начинают покидать его. Он опустился на пол, привалившись к стене, заметив, что кровь пропитала рубашку.

Влада, вбежавшая в номер после охранников, несмотря на их крики, упала на колени перед Игнатом и обхватила его лицо ладонями.

— Влада, ты в порядке? — Игнат не удержался и через боль улыбнулся ей.

— Да... — ответила она дрожащим и невероятно знакомым голосом. — А ты?.. А ты как? Тебе... тебе больно? — Ее голос вошел под кожу Игната глубже, чем нож.

— Все хорошо... — ответил он слабым голосом. Он смотрел на Владу, бледную, с большими испуганными глазами, но невероятно красивую. Ему казалось, что перед ним Яся, его любимая девочка. Ее голос, прикосновения, взгляд — все напоминало ему о ней.

Он увидел порез на шее девушки, и взгляд мгновенно прояснился. Игнат потянулся к Владе, притянул к себе, не думая о том, что кто-то может войти, обнял и вдохнул аромат. Этот запах был знаком до одури. Как у Яси. Землянично-медовый.

Влада дрожала в его объятиях, а он все повторял:

— Не бойся, маленькая, все позади. Никто больше тебя не тронет. Верить?

— Верю, — отвечала Влада едва слышно.

Они могли сидеть так вечно, ему не хотелось ее отпускать, но в номер снова ворвались охранники, подняли Владу и потащили прочь, не обращая внимания на ее крики. Игнат хотел остановить их, но не мог. В глазах потемнело, и он почти потерял сознание.

Вскоре в номер вошел Вальзер. Его тяжелые шаги, резкие движения и пронзительный взгляд сразу наполнили комнату ледяным напряжением. Увидев Игната, Вальзер нахмурился.

— Жив? — сурово произнес он, похлопав парня по щекам, чтобы тот открыл глаза.

— Да, — хрипло ответил Игнат, силясь удержаться в сознании.

Вальзер, не отводя глаз, задал следующий вопрос:

— Как тут оказался?

Игнат быстро собрался с мыслями. Он знал, что каждое слово будет проверено.

— Шел в свой номер и заметил, как чужой вскрывает номер Влады, — ответил он ровным голосом.

На лице Вальзера не дрогнул ни один мускул. Но его следующий вопрос заставил Игната напрячься.

— Откуда знал, что это ее номер?

Это был допрос, который Игнат должен был выдержать. Он не мог сказать, что заранее выяснил, где остановится Влада, поэтому сослался на случай, едва заметно сжав зубы.

— Случайно видел, когда она заходила, — отозвался он.

Вальзер коротко кивнул, не заметив ничего подозрительного.

— Спасибо, парень! Век не забуду. Держись, лекаря скоро доставят.

Он крепко сжал плечо Игната — этот жест показался даже теплее слов. А затем широким шагом покинул номер, явно направляясь раздавать распоряжения.

Оставшись в одиночестве, Игнат отключился. Но вскоре вновь пришел в себя. У входа в номер раздался требовательный голос Сержа:

— Пропустите, там мой друг! — требовал Серж и пытался протолкнуться через охрану.

— Не велено, — железно заявил охранник.

— Что значит не велено? Вы в своем уме? Что с ним? — голос Сержа звучал тревожно, ничьих велений он не принимал.

Охранники не отвечали и горой стояли у входа в номер.

— Я кому сказал, впустите меня, иначе пожалеете! — Серж перешел к угрозам.

Игнат усмехнулся. «Какой упрямый», — мелькнуло в голове. Но тут же его улыбка сошла на нет, послышались глухие удары. Серж пытался прорваться через охранников. Обычно он предпочитал не ввязываться в драки. Как сам говорил, его душевная организация слишком тонкая, чтобы действовать грубо. Однако это был исключительный случай, несмотря на то что против подготовленных ребят он бы точно не устоял.

— Отпустите его, — крикнул Игнат из последних сил. — Это мой друг, пусть войдет. Иначе я доложу Илье Васильевичу, что у него тупая охрана. Пусть гонит вас к чертям, — пригрозил он.

Охранники переглянулись, понимая, что рисковать своей работой не стоит, и нехотя пропустили Сержа.

Тот пулей влетел в номер, и сразу же бросился к Игнату.

— Что с тобой? Ты ранен? Где Влада? Я слышал, что ее хотели похитить?

Серж непрерывно осыпал друга вопросами, но, увидев кровь, побледнел. Он всегда плохо переносил вид крови. Игнат заметил его реакцию и, несмотря на собственное состояние, не удержался от подкола:

— Попей водички, а то сейчас в обморок шлепнешься. — Эти слова слегка успокоили Сержа. Он понимал, что, если Игнат шутит, значит, все не так уж плохо.

— Ты всегда был идиотом, — проворчал он, усаживая друга на кресло.

Игнат усмехнулся, но затем его взгляд потемнел. Он думал о том, сколько раз судьба давала ему шанс уйти, но все же оставляла в живых. Почему? Игнат не боялся смерти, но и не мог понять, почему она обходила его стороной, забирая вместо него любимых людей — младшую сестренку, на долю которой выпала страшная болезнь, хотя он мог точно так же заболеть, и Ясю, погибшую в аварии, хотя именно он не боялся скорости и часто гонял на тачке. Даже матерый уголовник с ножом не смог его убить. Игнату не давали уйти, словно он должен сделать что-то значимое. Было ли это даром или наказанием? Ответа у него не было.

Игнат вкратце обрисовал другу события, которые развернулись в номере Влады. По ходу его рассказа лицо Сержа становилось все более мрачным.

— Ну ты герой, — наконец выдохнул Серж, прикрывая глаза. — Зачем ввязался в драку с вооруженным типом? Мог бы позвать охрану или хотя бы ее отца!

— У меня не было времени, — спокойно отозвался Игнат, хотя в его голосе чувствовалась усталость. — Владе угрожала опасность, и я не мог оставить ее одну.

— Эта девушка сведет тебя с ума, — сухо подытожил Серж.

Игнат не стал отвечать. Он был согласен с другом как никогда.

Разговор прервал вошедший доктор, за которым проследовал мрачный Вальзер. В его глазах читалось напряжение, а широкие плечи словно налились сталью. Он молча остановился у стены, наблюдая за тем, как медики суетятся вокруг Игната.

Доктор, осмотрев ранение, уверенно заявил:

— Угроза жизни отсутствует, но рану нужно зашить. Необходима госпитализация для более тщательной обработки и обследования.

— Фартовый ты, — задумчиво произнес Вальзер.

То же самое похититель сказал Владе. Игнат усмехнулся, но ничего не ответил. Вальзер выделил машину и отдал строгий приказ охранникам сопроводить Игната. Серж помог другу добраться до больницы и, убедившись, что все в порядке, вернулся в отель.

Игнат же провел почти всю ночь в палате. Ранение не было тяжелым, но после обезболивающих и пережитых эмоций у него закрывались глаза. Защищенный и перевязанный, Игнат вышел из больницы только под утро. Он поднял глаза в безмятежную небесную даль, сделал глубокий вдох. Утренний воздух был прохладным и чистым, небо едва начинало светлеть, окрашиваясь в пастельные тона. Рядом цветы в клумбах благоухали медовым ароматом. Игнат, вдохнув их запах, остановился, чтобы полюбоваться рассветом. Улыбнулся. Он не чувствовал себя героем. Однако последние события помогли осознать, что спустя столько лет в нем появилось искреннее желание жить.

Грудь тянуло от боли, но в душе впервые за долгое время появилось ощущение света. Возможно, настало время дать себе шанс разобраться с новыми чувствами. Разрешить себе любить. А шрам на груди останется не просто отметиной, — а символом чего-то нового. Его сердце не остановилось. Оно все еще билось — ради Яси, а теперь ради Влады.

Серж забрал из гостиницы вещи, и парни отправились в аэропорт. Вернувшись в родной город, Игнат сразу окунулся в работу. Деловые встречи, совещания и контракты занимали весь день, но мысли о Владе не оставляли его даже в повседневной суете. Она не выходила у него из головы. И хотя со стороны его увлеченность могла показаться одержимостью, он так не считал. Влада была живой и настоящей. И Игнату хотелось быть рядом с ней, чтобы тоже почувствовать вкус жизни.

Его тревожили мысли о том, что около нее находится Марк. Он ревновал, представляя, как Марк касается Влады, шепчет ей на ухо разные глупости, целует, а возможно, позволяет себе что-то большее. Игнат ненавидел даже идею, что кто-то, кроме него самого, может быть с ней рядом. Даже намеки на это приводили его в бешенство. Он не понимал сам себя — какая-то случайная встреча с незнакомкой, и вот он, как подросток, не может выбросить девушку из головы и ревнует, как будто имеет на это право.

Вечером, находясь в одиночестве в своей квартире, он подошел к окну и посмотрел на ночной город, распростертый под ним, на сверкающие огни, играющие с прохладной тьмой. Игнат достал телефон и нашел фото. Той, которая сумела перевернуть его мысли, взбудоражила сердце и поразила куда-то в душу. Она улыбалась ему с экрана телефона. В ней было все: свет, нежность, необъяснимая сила, которая захватывала его целиком.

И он ответил ей едва заметным движением губ. Она пока не его. Но это пока.

Игнат смотрел на фотографию Влады, чувствуя, как его сердце бьется быстрее. Ее глаза сияли мягким светом, будто хранили в себе солнце. Волосы, убранные в высокий хвост, открывали тонкую шею, их кончики игриво касались плеч. Красивое платье лишь подчеркивало ее хрупкость и женственность.

Он провел пальцем по экрану телефона, будто мог прикоснуться к ней. Мягко усмехнулся — глупо, но это движение казалось почти реальным. Его взгляд задержался на впадинках над ключицами, таких нежных, таких манящих. Игнат позволил себе представить, что проводит по ним пальцами, чувствует под ними тепло ее кожи. На миг закрыл глаза, позволяя фантазии захватить его. Он хотел близости — не только физической, но и душевной. Хотел ощутить ее рядом, почувствовать, что она с ним, что она - его.

Ему виделось, как он касается ее лица, как Влада улыбается, чуть наклоняя голову. Ее взгляд — дерзкий, но доверчивый — заставлял сердце сжиматься и биться чаще. Игнат представлял, как она мягко прикасается к его плечу, словно случайно, и этот простой жест вызывал взрыв эмоций.

Дыхание стало тяжелее. Он не мог сдержаться, думая о том, какая мягкая у нее кожа, какое тепло исходит от тела. Каково это — услышать ее тихий смех, почувствовать, как у нее бегут мурашки по коже от его прикосновений? Мысли о том, как он проводит пальцами по руке, а затем легко касается губами шеи, возбуждали его все больше.

Ее женственность будоражила. Фантазия разгонялась все сильнее: интересно, как она целуется? В постели она горячая и страстная или, наоборот, нежная и мягкая? Творит такое, от чего сносит крышу, или лишь позволяет ласкать себя?

Мышцы Игната затвердели. Тело налилось тяжестью. С полуоткрытых губ сорвался едва различимый стон. Картинки перед глазами тоже стали меняться быстрее. В какой-то момент он почувствовал девушку, будто она была рядом. Ощутил жар ее тела, лаская в тех местах, которые она не открывала никому, но сейчас, в видениях, позволяла Игнату делать все, что ему хочется. Воздуха перестало хватать. Сердце стучало молотом в груди, и Игнат понял, что не может больше сдерживаться...

Спустя несколько минут, дыхание Игната выровнялось. Открыв глаза, он отложил телефон и усмехнулся. Странно осознавать, что всего лишь фантазии могли так возбуждать его. Или фантазии — это все, что ему осталось?

Плотская любовь... Надо же. Любовь может быть только любовью. Плотская или романтическая, порочная и платоническая — это все чушь. Есть только равнодушие или желание. А желать можно или тело, или душу, или все вместе. Когда желаешь человека целиком, всего без остатка — это и есть любовь. — Вспомнил Игнат строчки из романа, который когда-то прочитал. И он полностью с ними был согласен.

Игнат встал и отправился в душ, позволяя горячей воде смыть оставшееся напряжение. Но мысли о Влде оставались с ним. Ее образ — живой, теплый — возникал в сознании чаще, чем он хотел это признать.

— Ты даже не представляешь, что со мной делаешь, малышка, — прошептал он.

Неделю спустя Игнат получил приглашение от Вальзера на частную встречу. Эта встреча сулила не только деловой разговор, но и возможность снова увидеть Владу. И он не раздумывая согласился.

Однако в планы вмешалась Алекса. В тот день она приехала в офис Игната в обеденное время и, как оказалось, услышала его телефонный разговор с Вальзером. Под предлогом того, что хочет обсудить какие-то дела, Алекса потащила его на прогулку.

Появление невесты в момент разговора с Вальзером вызвало у Игната глухое раздражение. Они еще не поженились, а она уже позволяла себе заходить без приглашения в кабинет и

подслушивать его переговоры по телефону. Ему было неприятно видеть ее, и он еле сдерживал себя, мечтая побыстрее от нее избавиться. Игнат согласился прогуляться в надежде, что таким образом ему удастся побыстрее отправить ее домой.

Они шли по оживленному проспекту, и шум бизнес-квартала только усиливал желание Игната сбежать в тишину набережной. Ему хотелось думать о предстоящей встрече, а не слушать легкомысленные речи своей фиктивной невесты.

— Кстати на встречу я поеду с тобой, — вдруг заявила она, глядя на него с милой улыбкой.

— Это встреча с деловым партнером. Ты не обязана сопровождать меня на таких мероприятиях, — Игнат ответил сухо, давая понять, что приглашения от него не поступало.

— Тебя ведь Вальзер пригласил? — спросила Алекса с деланным любопытством. — Я верно поняла?

— Да, откуда ты его знаешь?

— Я? Совсем не знаю, — звонко рассмеялась она, элегантно прикрыв рукой губы. — Просто слышала от отца, что ты готовишь удачную сделку. Все говорят, ты не боишься работать с людьми с криминальным прошлым. Ты у меня такой смелый, горжусь тобой.

Игната передернуло от того, что Алекса считала его своим. Она держала его под руку, но эта близость раздражала. Он никогда не хотел брать ее руку в свою. Алекса казалась идеальной девушкой: утонченная, элегантная, всегда со сдержанной улыбкой на лице. Но она была чужой, не его.

— Твой отец знает о моих делах? Откуда?

Ее улыбка чуть дрогнула, взгляд метнулся в сторону.

— Константин Михайлович рассказал, — ответила она с легким замешательством.

Игнату показалось, что она что-то скрывает.

— Не знал, что наши отцы так близко общаются, — заметил он.

— После болезни Кости, прости, Константина Михайловича, — Алекса по-свойски назвала отца Игната, чему сама смутилась, — наши семьи сблизилась, — взяв себя в руки, объяснила Алекса. — Ты же знаешь, что мой отец один из акционеров. Он всегда поддерживал Константина Михайловича, когда тот оказывался в сложных ситуациях, — пояснила девушка и добавила: — Думаю, будет правильным, если я поеду. У нас скоро свадьба, и никто не должен заподозрить, что наш брак фиктивный. Игнат скептически приподнял бровь. Он прекрасно помнил, кто из акционеров тогда поддерживал их семью, а кто пытался расшатать их позиции, даже заметки сделал в своей записной книжке. Недаром отец называл акционеров ближним кругом врагов. Гордеев же был в числе тех, кто относился лояльно, но его поведение больше походило на дальновидный расчет, чем на искреннюю поддержку. Сейчас Игнат в который раз пытался убедить себя, что его решение заключить фиктивный брак для поддержки влияния отца в бизнесе было правильным.

Прогулка вскоре подошла к концу. Прощаясь, Алекса трогательно поцеловала его в щеку и произнесла:

— Спасибо за чудесную встречу.

Что в ней чудесного, Игнат не понимал. Он с безразличием смотрел на девушку, которая затаив дыхание явно надеялась на продолжение, встречный жест. Может, нежный поцелуй в губы или хотя бы теплый взгляд, но не дождавшись, смущенно опустила глаза. Игнат же думал о другой. Его мысли устремлялись к Ясе, а затем к Владе.

— И кстати, не забудь, скоро день рождения моей подруги, — напомнила Алекса, спрятав за своей безупречной улыбкой обиду.

— Помню, — сухо ответил он.

— Если не против, я заеду за тобой, и мы вместе поедem на праздник, — предложила Алекса невинным тоном.

— Не против, — бросил Игнат, потому что ему было все равно.

Ему оставалось лишь выполнять условия договора. Но мысль о том, что на встрече с Владой он будет в сопровождении невесты, отягощала. Игнату претило играть по чужим правилам. И эта фальшь, как всегда, выводила его из себя.

Глава 3. Одержимость

Прогулка с Игнатом принесла Алексе результаты, которых она не ожидала. Но не дала того, к чему девушка так долго и упорно шла.

Прощаясь, она намеренно дружески поцеловала парня в щеку, надеясь на ответный жест. Она хотела увидеть в его глазах интерес, получить хоть какое-то проявление ласки. Алекса мечтала, чтобы он посмотрел на нее как на женщину, как на свою невесту. Но сколько бы она ни предпринимала попыток сблизиться с Игнатом, все было тщетным. Игнат сторонился ее и неизменно оставался холодным.

Алекса могла бы подумать, что он вовсе охладил к женщинам, но слишком хорошо знала: иногда он позволяет себе мимолетные встречи. Разовые, ни к чему не обязывающие свидания с девушками на одну ночь.

В их семье наличие любовницы у мужчины не считалось чем-то из ряда вон выходящим. «В светском обществе это нормально, — говорила ее мать. — Ты либо закатываешь истерики своему мужу, либо получаешь в свои руки еще один инструмент давления на него. Сама выбираешь, с кем он будет спать».

Алекса не разделяла жизненную философию матери, но и противопоставить ей ничего не могла. Девушка вела себя расчетливо, хотя в глубине души негодовала: почему Игнат выбирает кого угодно, но только не ее? Правда, признаться, что поведение Игната ее задевает, она не могла даже самой себе.

Алекса ревновала его, но не позволяла себе слабости. Скорее, относилась к поведению Игната с пониманием, оправдывая его (или, может быть, себя?) тем, что мужчине нужны женские ласки. Желательно разные, чтобы не застрять ни с кем надолго. Единственной, кого Игнат впустил в свое сердце, была его сводная сестра.

Но даже эти отношения длились недолго. Их разрушила не судьба, а люди, причастные к гибели Ярославы и ее матери.

Когда Алекса узнала от Яны Шленской, что Ярослав боится отца и дрожит при одном его упоминании, она даже посочувствовала ей. Настолько, насколько вообще была способна на сочувствие. Отец Алексы обожал дочь, исполнял все ее желания и оберегал от проблем. Он делал все, чтобы влияние семьи Гордеевых в обществе постоянно росло.

А вот отец Яры, судя по всему, был тем еще подонком, издевался над близкими. Человек с туманным прошлым, о котором и думать неприятно. Но именно этим и воспользовалась Алекса. Помогла воссоединить их семью. С одним лишь нюансом — посмертно.

Изначально Алекса рассчитывала, что если ей удастся найти отца Ярославы, то она сможет заполучить компромат на Елену. С помощью пикантной информации девушка надеялась разрушить или хотя бы пошатнуть отношения этой женщины с Константином Елецким. Если бы Игнат узнал, что Елена порочит имя его отца, он возненавидел бы не только мачеху, но и Ярославу. И разорвал с ними любые связи.

Алекса сумела убедить мать Игната, что ее план сработает. Алина боялась, что новая супруга Елецкого отнимет все, что принадлежит сыну по праву. Она тревожилась, что Игнат потеряет наследство, а она лишится хорошего содержания.

Мать Алексы и Алина поддерживали дружеские отношения — или делали вид, что поддерживают. Даже после развода с Елецким Алина оставалась полезной фигурой, а семья Гордеевых ценила связи в обществе. Поэтому мать Алексы не выпускала Алину из поля зрения, иногда приглашала на кофе, но все чаще на бокал вина, чтобы посплетничать об общих знакомых. В такие моменты она как бы с сочувствием напоминала Алине о подлой измене Елецкого, подводя к главному:

— Если Игнат женится на Алексе, — намекала мать девушки, — это защитит и тебя, и твоего сына от происков новой жены Елецкого.

Так мать Алексы планировала, что у их семьи появится дополнительный рычаг влияния на Елецких, а у Алины — новый шанс восстановить положение в семье. И все это должна была обеспечить Алекса. Девушка была готова сыграть свою роль в задуманной игре, потому что в конечном счете надеялась заполнить сердце Игната.

К несчастью для Алексы, из-за зависимости Алины от алкоголя, ее истерик и частых срывов, Игнат давно вышел из-под контроля матери. Более того, он ужился с отцом и его новой женой под одной крышей, что для Алины было равносильно предательству. Отношения Игната с Алексой продлились недолго — вскоре он без сожаления переключился на другую.

Мимолетная интрижка Игната вряд ли могла бы выбить Алексу из колеи. Но Игнат, по-настоящему влюбился в свою сводную сестру — Ярославу. Для Алексы это было отвратительно, а его отказ она и вовсе посчитала унижительным для себя.

Алекса не собиралась сдаваться. Воспитанная в семье, где каждый был уверен в своей исключительности, она считала себя выше остальных. Не только выше Ярославы, но и других девушек своего круга. Именно с таким подходом и во многом благодаря чувству полного превосходства над другими их семье удавалось достигать того, что иным казалось невозможным. Алексе всегда хотелось большего, и она привыкла получать желаемое.

Изначально она просто мечтала вытеснить Ярославу из жизни Игната. Но со временем это желание трансформировалось в нечто более мрачное — ей захотелось уничтожить соперницу. Не физически, конечно, но сделать все, чтобы Яра исчезла из жизни Игната раз и навсегда. Однако, когда ее желание исполнилось и Ярослава погибла, Алекса не чувствовала себя виноватой. Она просто считала себя катализатором, запустившим цепь непоправимых событий. И все же после случившегося ее еще долгое время терзали кошмары. Больше всего она боялась, что Игнат узнает правду о ее причастности к аварии.

Шесть лет назад через людей своего отца она выяснила, что Михаил — бывший гражданский муж Елены и биологический отец Ярославы — до сих пор одержим поисками своей семьи. В каком-то смысле он жил этой идеей, даже спустя годы. Михаил был готов на все, чтобы найти жену и дочь.

Алекса навела о нем справки. Никакого криминала за ним не числилось, разве что несколько приводов за бытовые ссоры, ничего серьезного. Но было в нем что-то маниакальное. Он был готов бросить все, даже сорваться в другой город, чтобы узнать, где находится его бывшая жена.

Всю информацию ему предоставила Алина. Алекса же предусмотрительно осталась в тени, Игнат ни в коем случае не должен был узнать о ее причастности.

— Вы заботитесь о своем сыне, — внушала Алекса матери Игната мягким, но настойчивым голосом. — Только вы можете уберечь его от таких, как эта Елена. Вы защищаете свою семью, свои интересы. Это ваш долг.

Алина верила. Ее состояние после частых запоев и нервных срывов было нестабильным. Она знала, что Константин любит свою новую жену, а сама она потеряла все, что могло ее с ним связывать. Оставался лишь Игнат, ради которого она решила претворить в жизнь план Алексы.

Когда Елена и Ярослава погибли, Алина оказалась в ловушке собственной вины. Она звонила Алексе несколько раз, сначала радовалась, что женщины, разрушившей ее семью, больше нет, но позже, опомнившись, рыдала, осознав, что трагедия унесла и жизнь Ярославы. Вдобавок Константин попал в больницу с сердечным приступом, и женщина переживала за его состояние.

— Я не хотела, чтобы так вышло, — говорила Алина, вцепившись в руку приехавшей к ней как-то Алексы. Ее глаза бегали из угла в угол, как у загнанного зверя.

— Но вы же мечтали, чтобы эта женщина исчезла? — спросила Алекса, сохраняя спокойный тон.

— Да... Нет... Не знаю. — Алина замотала головой. — Я ненавидела ее, но не желала ей смерти, а тем более ее дочери. Я сама потеряла дочь. Это так несправедливо... Что мы наделали? Как теперь с этим жить?

— Тогда молчите! — резко прервала ее Алекса. Она выдернула свою руку из холодных пальцев женщины, и тут же натянула надменную улыбку, как этому учила мать. Ее улыбка была лишена радости, удовольствия или счастья, в ней сквозили лишь высокомерие и превосходство над Алиной. — Молчите, и я никому не скажу, что вы сделали.

— Что ты имеешь в виду? — прошептала Алина, вскинув на нее испуганные глаза.

— Это вы передали Михаилу информацию. Вы, а не кто-то другой, — тихо, но твердо произнесла Алекса, сверля взглядом мать Игната.

— Я? — испуганно повторила Алина и уставилась девушке в глаза.

— А кто же еще? Это вы, только вы, — повторяла Алекса, от чего Алину начало потряхивать. — Вы сделали это, чтобы защитить Игната, вы заботились о нем.

— Да-да, конечно, ради моего мальчика. Я позаботилась о нем. Как не смогла о Катюше, — как в бреду, повторила Алина.

Ее губы дрожали, но она соглашалась. Она сама убедила себя, что сделала это ради Игната. Ведь только так она могла приглушить чудовищное чувство вины.

— Именно. Ради него, — подтвердила Алекса, отводя взгляд.

Больше они никогда не возвращались к этому разговору. Алекса избегала встреч с Алиной, лишь иногда что-то слышала о ней от матери. Однако мать Алексы продолжала ненавязчиво внушать Алине, что ее сыну нужна «хорошая девочка из хорошей семьи», и словно мимоходом подчеркивала, что лучше Алексы никого быть не может.

Прошло шесть лет, но Алекса продолжала ненавидеть Ярославу, даже понимая, что той больше нет. Нет для всех, кроме Игната. А иначе почему он до сих пор не строил серьезных отношений ни с одной девушкой, словно по-прежнему был привязан к Яре? Алекса была уверена, что разберется с этим, ведь она всегда была умной и настойчивой.

Сейчас, вооруженная свежей информацией о встрече Игната с Вальзером, девушка не стала медлить. Она тут же набрала отца, зная, что его наверняка заинтересуют новости. Ведь Гордеев внимательно наблюдал за сделкой с Вальзером, а любые контакты с этим человеком могли открыть новые перспективы.

Для семьи Гордеевых брак Алексы с Игнатом — продуманный коммерческий проект. И старший Гордеев лично следил за всеми бизнес-сделками, в которые был вовлечен его будущий зять. О предстоящей встрече с Вальзером Гордееву сообщил, конечно, не Константин, а другой человек — информатор, с которым он имел определенные договоренности.

Алекса оказалась права: отец немедленно вызвал ее к себе в офис, чтобы обсудить подробности.

Ей всегда нравилось радовать отца. Он говорил, что гордится дочерью, называл ее умницей. Алекса считала себя его любимицей. Совсем иначе обстояли дела с матерью.

Мать Алексы, Инга Гордеева, имела репутацию «железной леди». Она занимала высокую должность в политических кругах, была уверенной, надменной и влиятельной женщиной. Инга привыкла настаивать на своем и редко оставалась довольна. Алексу с самого детства готовили к тому, что она станет преемницей матери, и цена любой ошибки девушки могла быть слишком высокой.

Когда Алекса вошла в кабинет, отец встретил ее тепло, обнял, отодвинул стул, чтобы она могла удобно расположиться. Мать, также приехавшая на разговор, даже не поднялась со своего места. Она не допускала, чтобы важные вопросы решались без нее, не могла не кон-

тролировать ситуацию. Инга лишь бросила на дочь придирчивый взгляд и заговорила глухим, ровным тоном, от которого у Алексы пробежал холодок по спине.

— В таком виде ты встречалась с Елецким?

Алекса быстро опустила глаза на свое платье. Дорогое, от модного бренда. Воздушное, легкое, светло-персиковое, оно выглядело идеально: подчеркивало стройную фигуру, длинные ноги, добавляло образу свежести и невинности. Мужчины оборачивались, когда она проходила мимо.

— Ты должна выглядеть как уверенная в себе женщина. Не как побрякушка или аксессуар, а как алмаз, ограненный руками любящего тебя мужчины. Игнат должен чувствовать свою власть и силу, находясь рядом с тобой, — продолжила мать.

Алекса сдержала желание рассмеяться. Надо бы напомнить маме, с какой «серой мышью» встречался Игнат до нее! Но вслух девушка только произнесла, кивнув:

— Ты права, мама.

Затем она кратко пересказала разговор с Игнатом.

— Я настояла на том, чтобы поехать с ним на встречу, — завершила Алекса. — Игнат считал, что это лишнее, но я не согласилась.

— И правильно сделала, — удовлетворенно кивнул отец. — Ты должна быть рядом с ним. Узнай все, что сможешь, о намерениях Вальзера. Этот человек не станет приглашать кого-то к себе в дом просто так. Я тоже займусь этим вопросом. Есть люди, которых эти связи могут заинтересовать. Мы должны знать все о партнерах и их контактах.

Инга, до этого молчавшая, наконец заговорила:

— Не забудь, Алекса, ты должна быть не просто рядом. Ты должна быть лучшей. Игнат должен понять, что без тебя он не сможет ни сохранить, ни преумножить свое влияние.

Алекса вновь кивнула, не подавая виду, насколько ее тяготили такие разговоры. Она хорошо знала, что в этой семье от нее всегда требовали быть на высоте. И ошибок не прощали.

Как обычно, отец обнял дочь на прощание, а мать даже не проводила взглядом.

— Что ты будешь делать дальше? — Ее голос, ровный и требовательный, остановил Алексу.

Она обернулась, понимая, что этот вопрос касался Игната. Инге хотелось убедиться, что дочь делает все, чтобы достичь поставленной цели.

— Через два дня мы с Игнатом идем на день рождения моей подруги. На этом мероприятии мы предстанем парой на широкой публике, — уверенно ответила девушка.

Мать едва заметно пожала плечами, словно эти слова ее разочаровали:

— Считаешь, этого достаточно?

Алекса крепче сжала сумочку в руках, но внешне оставалась спокойной.

— Что я должна сделать, мама? — спросила она, демонстрируя покорность и скрывая за маской истинные эмоции.

Мать, наконец, подняла на нее свой холодный взгляд.

— Найти к нему подход. Ты женщина и должна понимать, что нужно твоему мужчине. — Голос Инги звучал как приказ.

— Да, конечно, — быстро ответила Алекса и натянула привычную улыбку, скрывая раздражение.

«Легко говорить, когда вы с отцом вечно думаете только о власти», — мысленно огрызнулась она, но ни один мускул на ее лице не дрогнул.

Разговор закончился, но слова матери продолжали преследовать девушку. «Ты должна быть лучшей», — они звучали как мантра в ее голове.

Алекса шла по коридору офиса отца, ощущая, что мать возложила на нее груз ответственности за чувства Игната, которые она не могла контролировать.

Инга то и дело напоминала дочери, что женщина должна уметь пробуждать в мужчине желания, чтобы он стал податлив и контролируем. Алекса и сама была не против ощутить страсть в объятиях Игната, видеть, как его глаза загораются огнем, но он оставался холоден, словно уже сгорел дотла, словно внутри него не было ничего, что могло бы вспыхнуть.

Это не просто раздражало Алексу, это ее ранило, а порой даже злило. В скором времени они должны стать мужем и женой, но между ними не было ни любви, ни намека на страсть. Только расчет и обязательства. И что бы девушка ни предпринимала, Игнат был безразличен, а Алексе оставалось лишь, кусая губы, представлять, как глупо она вновь будет выглядеть, отчитываясь перед матерью.

Красивая, умная, изящная, блистательная, лучшая во всем — так считали многие, но только не родная мать. Инга желала, чтобы Алекса приносила пользу, раз в нее вложено так много сил и денег. И Алекса из кожи вон лезла, стараясь угодить родителям, которые вовсе забыли о том, что девушка имеет право просто быть счастливой.

Правда в том, что в безупречном имидже Алекса испытывала всепоглощающее одиночество. Она завидовала тем, кто мог быть счастлив просто так, без условий, без договоров, без планов. Алексе же приходилось выгрызть свое счастье, порой жертвуя человечностью.

Игнат был выгодной партией для ее семьи, но Алекса иногда сама не понимала, кому в действительности он больше нужен — ей или родителям. И все же Игнат стал для нее мнимым воплощением любви, которой так жаждала девушка. Поглощенная собственной страстью, она желала получить от него чувства, в которых сама остро нуждалась. Его холодность доводила ее до иступления, почти помешательства. Но этими мыслями Алекса ни с кем не делилась.

Следующие дни после встречи с Игнатом в его офисе Алекса провела в приготовлениях. Она была уверена, что этот вечер станет для нее маленькой победой. В конце концов, она сделала все, чтобы выглядеть идеально: ее платье, расшитое пайетками и бисером, было изысканным, но в то же время смелым и дерзким. Плечи открыты, длина не скрывала ног, ее образ получился даже несколько порочным. Босоножки на высоком тонком каблуке подчеркивали изящество щиколоток, а яркий, но не кричащий макияж добавлял магии взгляду. Девушка в который раз старалась обратить на себя внимание, удивить, искусить Игната.

Алекса приехала к Игнату точно в то время, на которое они договорились. Парень открыл девушке дверь, впустил в свою квартиру и, занятый деловым разговором, сказал, что ей придется подождать. На Алексу он бросил лишь мимолетный взгляд и сразу вернулся к переговорам по телефону. Вопросы бизнеса его интересовали гораздо больше, чем ее короткое платье.

Алекса вошла в гостиную. Вид из окна пентхауса элитного комплекса был впечатляющим. Из панорамных окон отчетливо просматривалась паутина улиц города, плеяда вечерних огней. Девушка подошла поближе к окну и почувствовала головокружение. Высота ее пугала.

Вскоре она услышала шум воды, доносившийся из ванной комнаты, видимо, Игнат закончил разговор, и отправился в душ. Алекса решила, что это подходящий момент для того, чтобы перебраться в спальню и попробовать сблизиться с Игнатом.

В его спальне окна были плотно завешены тяжелыми шторами. Алексе понравился царивший в комнате полумрак. Она устроилась на кровати, грациозно вытянув ноги и позволив себе немного расслабиться. Закрыв глаза, девушка разрешила воображению взять верх. Представила, как Игнат склоняется над ней, как его горячее дыхание касается ее шеи. Она проводит рукой по его влажной коже, ощущает твердость мышц под ладонями, обвивает руками его шею, поддаваясь непреодолимому желанию. Ее пальцы впиваются в его плечи, оставляя следы...

Фантазия заполнила все ее сознание, заставляя тело предательски откликнуться. Но тишину комнаты нарушил резкий звонок. Телефон, оставленный Игнатом на тумбе, вспыхнул экраном. Номер неизвестный. Поддавшись любопытству, Алекса решила ответить. Она подняла трубку, звонившая представилась сотрудницей офиса. И это была очевидная ложь — у

Игната два телефона, рабочий и личный. Девушка звонила по личному номеру и явно не ожидала, что трубку возьмет Алекса. Разговор получился коротким, и еще до того, как экран погас, дверь ванной распахнулась, и в комнате появился Игнат. Вода стекала с его волос, а белый халат едва прикрывал мощную фигуру.

— Милый, ты такой красивый. Иди ко мне, — звонко произнесла девушка, садясь на край кровати. Она решила сыграть сценку, чтобы на другом конце услышали ее слова, а затем сразу сбросила вызов.

Игнат холодно смотрел на нее с мрачным выражением лица. Вместо огня желания в его глазах клубилась тьма.

— Что ты здесь делаешь? — Его голос прозвучал низко и резко, словно удар. — Кто позволил тебе зайти в мою спальню?

Фантазия разбилась вдребезги, оставив лишь пустоту на душе. Алекса поспешно опустила глаза, ощутив себя уязвимой под его пронизывающим взглядом.

— Прости, — начала она, виновато улыбувшись, ее голос дрогнул. — Я не хотела нарушать твои границы... Просто подумала...

— Твои мысли меня не интересуют, — отрезал он. — Выйди.

И сам скрылся за дверью, не давая ей возможности опомниться и ответить. Пальцы Алексы невольно сжались, но она подавила в себе мгновенную вспышку гнева. Вместо этого незаметно вернула телефон на тумбу, где он лежал раньше, предварительно удалив звонок из журнала вызовов, и тихо вышла из комнаты. Игнат и не подозревал, что во время одной из их последних встреч Алекса, наученная опытной матерью, смогла подсмотреть пароль от его телефона и теперь умело этим воспользовалась. Через несколько минут Игнат появился в гостиной в строгом костюме, сделав вид, что инцидента в спальне и вовсе не было.

— Пора ехать, — бросил он, даже не взглянув на свою «невесту».

Алекса кивнула и обворожительно улыбнулась. Пока они спускались к машине, в ушах еще стояло эхо его жесткого, холодного приказа. Она смогла взять себя в руки, лишь когда оказалась среди других гостей на званом вечере. Алекса изящно поздравила виновницу торжества с днем рождения и быстро перетянула на себя все внимание, как и планировала. Натянув маску приветливой невесты, обворожительно улыбалась знакомым и принимала поздравления, будто ее счастье было неоспоримым. Игнат, напротив, казался чужим на этом празднике. Он держался отстраненно, не вступал в разговоры, а все слова об их помолвке принимал безразлично, лишь иногда раздраженно морщась.

Алекса с трудом держала лицо. Ее бесило поведение Игната. Если ему все равно на благополучие его бизнеса, почему бы просто не разорвать их помолвку? Зачем согласился на договорной брак, если не хочет играть по правилам общества? Но на эти вопросы она не хотела искать ответов — слишком страшно было признать, что Игнат вовсе не ее мужчина, его сердце принадлежит другой и он не будет играть на публику.

Алекса отделилась от компании очередных знакомых, чтобы немного перевести дух и взять еще один бокал шампанского, как вдруг услышала за спиной знакомый голос.

— Какие люди! Алекса, дорогая!

Приторный возглас Яны Шленской отвлек Алексу от мрачных мыслей. Эта встреча была не из приятных для обеих девушек.

Шленская бросилась к Алексе, рассыпая поцелуи в воздух возле щек, как будто они были лучшими подругами.

— Как же я рада тебя увидеть здесь! — провозгласила Яна, чуть покачиваясь на каблуках.

Алекса натянула на лицо дежурную улыбку, искусно скрывая неприязнь.

— И я, — ответила она, голосом, столь таким же сладким, как у собеседницы. — Какими судьбами? Я думала, вы с женихом в кризисе.

— Устала я от этих Мальдив, — драматически вздохнула Яна, склонив голову набок, словно раздумывая, кого еще может удивить этим заявлением. — Захотелось местной экзотики. — Она перевела взгляд на Игната, стоявшего в стороне. Ее глаза вспыхнули неподдельным интересом: — Игнатик-то все так же хорош, как и в универе. Я бы многое отдала, чтобы снова на нем прокатиться, — пьяно захихикала Яна. — Ой, прости, я это вслух сказала? Ты же не обижаешься, правда?

— Нет, — процедила Алекса, сжимая руки в кулаки, но сохраняя ледяное выражение лица. — Только больше так не говори.

— А почему? — невинно захлопала ресницами Яна, делая вид, что не понимает. — Помнится, ты раньше была не против разделить Игната на двоих.

— Это были юношеские глупости, — твердо ответила Алекса, голос звучал подчеркнуто спокойно. — Сейчас я не намерена делить своего жениха ни с кем.

— А я вот не против тряхнуть стариной, — не унималась Яна, наклоняясь ближе. — Знаешь, я за эти годы такого набралась, что уверена: Игнат оценит. Так что подумай. Сама понимаешь, лучше самой выбрать любовницу для мужа. По крайней мере будешь знать, чего от нее ждать.

Алекса ощутила, как внутри все закипает. Эти слова эхом повторяли наставления матери.

— Заткнись, — произнесла она сквозь зубы.

— Ой, иначе что? — Яна усмехнулась, наслаждаясь ситуацией.

— Иначе тебе не поздоровится.

— Смотри, как бы самой не пришлось пожалеть, дорогуша, — язвительно отозвалась Яна, глядя прямо в глаза Алексе. — Если я расскажу Игнату, кто слил информацию о его драгоценной сестре, он тебя точно не простит.

Улыбка исчезла с лица Алексы, сменившись ледяным выражением.

— Кто ты такая, чтобы он тебе поверил? — с презрением бросила она, понижая голос до угрожающего шепота.

— А я не дура. — Яна покрутила в руках телефон. — У меня все записано.

Алекса сделала шаг ближе, угрожающе прищурил глаза.

— Послушай меня сюда, — прошипела она, окончательно теряя терпение. — Что тебе нужно? Деньги? Назови сумму и проваливай. И закрой свой рот, иначе даже пожалеть не успеешь. Я о тебе могу такое рассказать твоему женишку, что он тебя бросит, сбежит, не оглянувшись.

Алекса вытащила из сумочки несколько крупных купюр и резко сунула их Яне в руку.

— Держись подальше от Игната. Шалавы не в его вкусе, — бросила она на прощание и, резко развернувшись, ушла.

Яна осталась стоять на месте, сжимая купюры, ее лицо исказилось от злости. Алекса совершила серьезную ошибку, недооценив соперницу. Врага всегда нужно держать в поле зрения, никогда не поворачиваясь к нему спиной.

Вечер был в самом разгаре, но Игнат сидел чуть в стороне, потирая переносицу, явно уставший и измотанный. Подойдя к нему с бокалом вина, Алекса одарила жениха самой светлой улыбкой.

— Милый, почему ты скучаешь? Пойдем потанцуем? — Она наклонилась к нему, в надежде привлечь внимание.

Игнат медленно поднял взгляд.

— Я не танцую, — сухо ответил он, не скрывая равнодушия.

— Но ведь это наш вечер, — с легким упреком произнесла девушка.

— Нет, Алекса, это твой вечер, — подчеркнул он, вставая. — Тебе нравится играть роль счастливой невесты? Пожалуйста. Только меня оставь в покое.

Эти слова прозвучали тихо, но в них было больше боли, чем злости. Игнат направился к выходу, не оставив Алексе возможности продолжить показную демонстрацию отношений.

По дороге домой она обдумывала все произошедшее за вечер. Игнат сидел рядом в машине, молчаливый, погруженный в свои мысли. Он словно был где-то далеко, и Алекса ненавидела эту его способность отстраняться. Хотелось встряхнуть его, заставить посмотреть на нее, увидеть, что она рядом, что она та, кто готова быть с ним до конца. Наконец Игнат нарушил тишину:

— Алекса, зачем тебе это все? Свадьба, договор... Зачем тебе жить такой жизнью? Ты ведь могла бы найти что-то настоящее, свое.

Его слова ранили больше, чем она готова была признать. Но Алекса мгновенно справи-лась с собой. Ее лицо смягчилось, взгляд стал открытым, а губы тронула мягкая, почти нежная улыбка. Она надеялась, что это зацепит его. Образ ангела всегда был ее главным оружием.

— Настоящее, Игнат, — начала она тихо, словно искренне. — Это то, что я чувствую сейчас. Я знаю, что могу быть рядом, могу поддерживать тебя. Это и есть мое настоящее.

Ее голос был настолько убедительным, что сама Алекса почти поверила своим словам. Она медленно положила руку на его ладонь, и Игнат не отстранился. Этот жест казался таким простым, но для нее это была маленькая победа.

Он не ответил, просто взглянул на ее руку. Возможно, его тронула эта видимая искренность. Возможно, он просто устал от борьбы.

Алекса знала одно: она сделает все, чтобы он поверил в нее. Использует каждую возмож-ность, каждую слабость, чтобы стать для него незаменимой. Она привыкла играть роль, но с каждым разом ее маска становилась все прочнее.

Игнат позволил ей коснуться его души. Она почувствовала, что в отношениях ему важны доверие и откровенность, и не собиралась упускать этот шанс. В ее глазах снова вспыхнула решимость. Игнату, возможно, казалось, что он держит ситуацию под контролем, но Алекса умела ждать и готова была вести свою игру до конца. Она не собиралась быть проигравшей.

Глава 4. Неслучайный диалог

После возвращения в родной город Серж не виделся с Игнатом около недели, каждый был занят своими делами. Серж ждал, когда друг окончательно оправится после ранения и разделается с навалившейся работой, чтобы наконец встретиться и рассказать кое-что важное.

В пятницу они привычно пересеклись в любимом баре. Игнат первым заговорил про день рождения Влады. То, что Серж так мило беседовал с Марком в тот вечер, казалось ему предательством со стороны друга. Это раздражало, но злиться долго на него он не мог.

— Интересная компания у тебя была в баре, — хмуро заметил Игнат, и его глаза потемнели.

Серж с улыбкой оторвался от экрана телефона, в котором просматривал какую-то переписку.

— Не ревнуй, — сказал он примирительно. — Это было всего лишь нужное нам знакомство. Ты для меня все равно единственный друг.

Он хлопнул Игната по плечу и захохотал. Игнат раздраженно отбросил его руку. Другого он бы уже послал, но Сержу прощалось многое.

— Твоя беседа с женихом Влады выглядела как маленькое предательство, — буркнул Игнат. — Не находишь?

— Признайся, кого ты больше ревнуешь — Владу или меня? — не унимался Серж. Его искренне радовало, что Игнат снова проявляет хоть какие-то эмоции. — Если видел нас, почему не подошел?

— Не хотел мешать вашей милой беседе, — недовольно пробормотал Игнат.

— И правильно сделал, — весело кивнул Серж. — Ты бы только все испортил. А так... стал настоящим рыцарем. Спас принцессу, защитил ее от монстра. Идеальный образ! Одни плюсы, если не считать того, что тебя едва не прикончили.

— С моими плюсами все ясно, — нахмурился Игнат. — Твои где?

— А я выяснил кое-что важное, — с ухмылкой ответил Серж. — Про Марка и, конечно, про твою Владу. Нам же нужно понимать, с кем имеем дело и как устранить твоего соперника, — хотя я все еще думаю, что это дурацкая затея.

— Неужели твой новый друг был так разговорчив? — Игнат напрягся, чувствуя, как в душе загорается интерес. Он отставил бокал и повернулся к Сержу.

— Умение слушать, задавать правильные вопросы и умно молчать — вот секрет, — с легкой усмешкой произнес Серж. — Никакого волшебства, Игнат. Только интеллект.

— Тогда делись своим магическим интеллектом.

— О, с удовольствием! — Серж склонился к Игнату, предвкушая, что его новости удивят друга. — Но учти, это будет стоить тебе очень дорого.

* * *

Как только Игнат, бросив короткий взгляд через плечо, исчез в коридоре вслед за Владой, Серж только усмехнулся. Он слишком хорошо знал своего друга, чтобы вмешиваться или задавать лишние вопросы. Сунув руки в карманы, Серж развернулся и направился в сторону лифта. Бар на первом этаже манил приятной музыкой и приглушенным светом — идеальное место, чтобы скоротать время, пока Игнат занят своими делами. «Если понадобится, он меня найдет», — пробормотал Серж себе под нос.

Серж размышлял о Владе. Она действительно напоминала Ярославу. Это было настолько поразительно, что с трудом укладывалось в голове. Конечно, вероятность встретить похожих людей существует, но ее голос, фигура, рост, жесты были до странности знакомы. Хотя с их недолгим общением прошло уже много лет, Серж все еще хорошо помнил образ Славы. И все же он не понимал Игната, который буквально потерял голову из-за Влады. Сам Серж такого

по отношению к этой девушке не чувствовал — ни намек на желание или романтический интерес. Возможно, он был более рациональным и не поддавался иллюзиям. А может, просто переживал утрату Славы иначе, не пытался искать знакомые черты в других девушках. В любом случае, Серж понимал, что у него действительно были чувства к Славе, но к Владе — нет. Зато он ясно видел, чем Влада покорила Игната.

Некоторое время Серж сидел в баре в одиночестве, уткнувшись в телефон. Но вскоре рядом за стойкой устроился Марк. Выглядел он мрачным и усталым, заказал виски с содовой и залпом выпил. Очевидно, тоже не находил мероприятие особо приятным. Как и Серж, Марк сидел, уткнувшись в телефон.

Серж вспомнил свою давнюю забаву — разгадывать тайны незнакомцев. Он внимательно посмотрел на Марка. Тот выглядел безупречно, одет с иголки, идеально подстрижен, но чувствовалось в его безупречности что-то ненатуральное. По нему было видно: Марк умеет хранить тайны — свои и чужие. Но в его движениях, в напряженных плечах и взгляде читалась усталость человека, которого заставляют играть по чужим правилам. Парень выглядел так, будто его настоящее «я» запрятано где-то глубоко.

Серж бросил взгляд на экран его телефона. Марк читал новости об IT-технологиях. Уловив, что у них могут быть общие интересы, Серж легко завязал разговор с Марком. К счастью, Марк и не вспомнил, что собеседник — друг Игната, стоявший рядом с ним, когда их представлял Вальзер. Тогда он был слишком сосредоточен на назойливом Елецком и состоянии Влады.

Серж с легкостью расположил Марка к себе, начав с нейтральной темы. Он рассказал о своей работе и проектах, затронул пару технических вопросов. Марк слушал внимательно, заинтересованно, казалось, ему самому хотелось бы заниматься чем-то подобным, но его профессиональная жизнь явно шла в другом направлении. Когда разговор перешел на более частные темы, Марк пояснил, что он больше бухгалтер, а программирование — это его увлечение, хобби, которое иногда приносит пользу.

Для Сержа этого было достаточно. Он тут же нащупал направление, в котором стоило двигаться, и как бы невзначай упомянул, что ищет специалиста, который мог бы помочь вывести часть бизнеса в офшоры. Марк задумался, а потом сказал, что может дать консультацию на эту тему. Они обменялись контактами.

После этого Серж плавно перевел диалог на личные вопросы. Выпив достаточно, чтобы расслабиться, Марк разоткровенничался. Серж внимательно слушал, все глубже проникая в чужую жизнь и незаметно вытягивая нужные ему детали.

— Твоя невеста красивая, настоящая королева, — с явным одобрением сказал он. — Вы идеальная пара.

Марк усмехнулся, но его взгляд стал мрачным.

— Вот и я ей говорю — королева. Все при ней — и фигура, и личико, бабок и власти немерено. Только вот свободы — никакой. Истинная королева! За нее! — Он поднял бокал и, не чокнувшись с Сержем, одним глотком опустошил его, добавив шепотом: — Земля ей пухом.

Серж едва сдержал удивление, но не стал уточнять, правильно ли расслышал. Возможно, из-за алкоголя Марк ляпнул какую-то ерунду, возможно, как-то неудачно пошутил. Серж слегка пригубил и поддержал тост.

— Давно знакомы?

— Шесть лет.

— А как познакомились?

Марк напрягся — несмотря на действие алкоголя, он насторожился, явно почувствовав, что собеседник выспрашивает слишком много.

— С какой целью интересуешься? — спросил он резко, но без угрозы.

— Просто любопытно, — непринужденно ответил Серж. — У всех отношения начинаются по-разному. Кто-то встречает любовь с первого взгляда, а кто-то говорит о магии, что людей тянет друг к другу магнитом. А мне вот интересно, какая ваша история. Сам я ничего подобного не испытывал, чтобы решиться на брак. Я скорее за свободные отношения.

Марк немного расслабился и, поколебавшись, начал рассказывать:

— Да, я тоже... думал так до встречи с Владой. У нас с ней было все: и тянет друг к другу, и любовь с первого взгляда. Только вот встреча была неслучайной. Я ее нашел.

— Нашел? — заинтересовался Серж, изображая удивление.

— Да. Ее искал Вальзер. Хотел найти свою дочь, поручил эту задачу одному человеку. Но в итоге поисками занимался я. Когда Влада была еще ребенком, Вальзера закрыли. Мать Влады, схватив дочь, сбежала куда глаза глядят. Им нужно было спрятаться, чтобы не убили. Потом Вальзер вернулся, поднялся на ноги, снова стал «уважаемым» человеком и решил, что пора вернуть то, что потерял. Семью. Я покопался в полицейских архивах и кое-какие сведения раздобыл. По крупицам собрал информацию. Так и вышел на нее.

Серж слушал внимательно, стараясь не выдавать ни удивления, ни напряжения.

— Кому же Вальзер поручил искать Владу? — Он хотел знать каждого в этой цепочке.

— Моему славному дядюшке, — с неприязнью ответил Марк. — Но он ни на что не способен, даже не смог...

Только Марк так и не успел закончить мысль, неожиданно за его спиной возник незнакомец — угрюмый тип с неприятным выражением лица. Несмотря на дорогой костюм и холерный вид, было в его внешности что-то отталкивающее. На первый взгляд мужчина выглядел молодожаво, но в глаза бросался блеск залысин.

— Что ты делаешь здесь, гаденыш? — резко бросил мужчина, хватая одной рукой Марка за грудки, и сминая ворот пиджака пухлыми короткими пальцами. Другую руку он занес для удара, но замер. Вокруг было слишком много свидетелей.

Марк, казалось, не собирался сопротивляться, но и особого страха перед незнакомцем не испытывал. Он бы мог дать отпор, был выше и на вид сильнее, но спокойно снял очки и убрал их в карман, чтобы не повредить, если удар придется по лицу. Похоже, для него это было привычным.

— В чем дело, Стас? — ровно спросил он. В голосе парня звучали усталость и неприязнь.

— Твою невесту хотели похитить, — прошипел Стас, склоняясь ближе, чтобы не услышали посторонние. Его тон был вкрадчивым, угрожающим. — Как ты посмел оставить ее одну? Вальзер в ярости. Молись, чтобы выжить.

Марк мгновенно напрягся, глаза зажглись тревогой.

— Где Влада? Что с ней? — Голос его дрогнул, и спокойствие исчезло.

— Все обошлось, — отмахнулся Стас, будто это была мелочь. Но в его взгляде читалась злость. — Свадебка не отменится. Папаша отправил ее домой вместе с мачехой. А теперь иди к Вальзеру и объясни, что ты к этому не причастен. Убедительно объясни.

Он резко отпустил Марка, и тот поправил ворот рубашки, натянув на лицо прежнюю маску невозмутимости.

— Я и так не при чем, — холодно произнес он и, надев очки, направился к выходу.

Серж заметил, как взгляд Стаса на мгновение задержался на нем, но, видимо, мужчина не нашел поводов для беспокойства — только посмотрел на золотые часы, красовавшиеся на запястье. Это был редкий экземпляр и стоили они целое состояние. Парень однажды видел такие... И тут все встало на свои места. Стас... Стас... Стасик... Это было как наваждение: знакомый образ, от которого веяло опасностью. Появилось неприятное ощущение, что они встречались прежде. Серж вспомнил его, но не подал вида, что узнал мужчину. И когда тот скрылся, следуя за Марком, быстро оценил ситуацию. Если Влада была с Игнатом и ее пытались похитить, значит, Игнат тоже мог оказаться в опасности. Сердце подскочило к горлу. Парень

мгновенно сорвался с места. «Пусть только окажется цел, пусть только будет жив!» — молился он, чувствуя, как от ужаса сводит дыхание.

Игнат слушал друга, обдумывая все, что тот рассказал. Каждая новая подробность добавляла детали в очень интересную, но пугающую картину. Было очевидно: брак Влады и Марка договорной, возможно, планируется против воли Влады.

— Нужно выяснить, на кого работает Марк, — раздумывал Игнат. — И как ему удалось найти Владу? Кем она была до того, как оказалась у Вальзера?

— Я кое-что еще вспомнил, — задумчиво прищурился Серж. — Я уже встречал человека, который пришел за Марком. Его зовут Стас, а Вальзер называл его Стасик. Это было давно. Помнишь ту ночь, когда ты решил быть с Ярославой? Я ждал тебя в нашем баре, ты опаздывал. Пробки, точно весь город стоял в пробках. Помнишь, ты рассказывал, что в холле столкнулся с каким-то бандитом с серьезной охраной? Очевидно, это и был Вальзер?!

— Да, — Игнат кивнул, припоминая. — Взгляд у него был такой, что я решил промолчать, хотя еще не знал, кто он.

— И это спасло твою жизнь, — серьезно продолжил Серж. — Вальзер встречался в ресторане с тем самым Стасом. Я узнал его по часам. Я видел, как Вальзер передал ему фотографию женщины с маленькой девочкой и велел их найти. И Марк нашел. Все сходится! Марк работает на Стаса.

— Так вот как все началось, — нахмурился Игнат.

— И на Вальзера, — добавил Серж. — Он явно нужен им обоим. Только вопрос — для чего? И зачем Вальзеру выдавать Владу замуж за Марка?

Игнат задумчиво сжал кулак.

— Отец говорил мне, что Вальзер был главарем Кировской ОПГ. Думаешь, он до сих пор связан с криминалом?

— Скорее всего. Такие связи просто так не разрывают, — усмехнулся Серж. — Но мы можем покопаться в архивах. Найдем информацию и про Стаса и его прошлое. Наверняка всплывет что-то интересное.

Игнат поднялся с кресла и посмотрел на друга.

— Ты должен показать мне этого Стаса. Лично. Хочу знать, с кем имею дело.

— Хорошо, — понимающе кивнул Серж, — но пока не нарывайся. Нам нужно больше информации. Я посмотрю, что удастся накопать в сети, а ты передай все Антону. Пусть пробьет, откуда появилась Влада и кем она была до встречи с Вальзером.

— Уже пытался это сделать, — усмехнулся Игнат. — Она как чистый лист. Никаких следов. Это даже странно.

— Значит, лист просто вычистили, — пожал плечами Серж. — Кто-то тщательно поработал, чтобы стереть ее прошлое.

— Девушка-загадка, — задумчиво произнес Игнат. — Девушка-мечта.

Серж неодобрительно хмыкнул, но его лицо оставалось серьезным.

— Скоро я ее вновь увижу. Вальзер пригласил меня на деловую встречу, — продолжил Игнат.

— Когда поедешь на встречу к нему, будь осторожен. Не лезь на рожон. Мы еще не знаем, с кем имеем дело.

Игнат кивнул, на секунду задержав взгляд на друге.

— Справлюсь, Серж. Не волнуйся.

Но Серж все равно волновался. Он привык быть тылом для Игната и в этот раз чувствовал, что должен быть готов прикрыть друга.

Глава 5. Загадочная коллега

Серж готовился к запуску нового крупного проекта. За последние годы он понял, что бизнес требует не только финансовых вливаний, но и глубокого погружения в процессы. Успех требовал держать руку на пульсе, продумывать каждый шаг и, что важнее всего, уметь читать людей. С новым проектом было полно неожиданностей. Постоянные переносы релизов, перестановки в команде, адаптация новых сотрудников — для сферы гейм-разработок это обычное дело, но нервы все равно трепало. Компания расширялась, привлекала все больше пользователей, а вместе с масштабированием росли и проблемы. Часть задач Серж уже передал заместителям и руководителям проектов, однако полностью отпустить контроль не мог. Он считал, что нужно не просто понимать, что происходит, но и стараться держать руку на пульсе и вникать в ход работы изнутри. Это давало ему возможность быть на несколько шагов впереди.

Поэтому последние несколько недель Серж участвовал в рабочих совещаниях, в основном просто слушая и наблюдая, как выстраиваются взаимоотношения сотрудников и как это влияет на проект. Зачастую они проходили в онлайн-формате, без видеосвязи, потому как многие члены команды работали удаленно и могли находиться в любой части земного шара. Для Сержа это не имело значения. Главное, чтобы сотрудники ощущали свободу и могли раскрыться в работе, чем сидели бы в офисе строго отмеренное время. Собственная работа Сержу была в кайф, и он хотел, чтобы люди в команде с ним тоже получали удовольствие от того, что делают.

Знакомство с новой сценаристкой он пропустил, но, подключившись на очередной созвон, с первой же минуты обратил на нее внимание. В списке участников она числилась под ником «Мила». На аватарке — невзрачный пейзаж, который никак не раскрывал характер человека. Но ее голос... Голос был особенным. Он показался странно знакомым, и Серж не мог понять, кого он ему напомнил. Руководитель проекта давно нахваливал работу девушки и, кажется, не зря. Она, как оказалось, была довольно популярной в своей нише писательницей, но решила попробовать себя в смежной сфере. Мила умела удивлять. Идеи, которые она продвигала, были тем самым глотком свежего воздуха, который и поручал найти Серж при подборе нового сотрудника. Предложения Милы были оригинальными, она мыслила неформатно и тонко чувствовала сюжет, будто по-настоящему проживала визуальные новеллы, которые казались не вымышленными, а реальными историями, талантливо приукрашенными богатой фантазией девушки.

Чем больше Серж наблюдал за работой Милы, тем больше убеждался, что эта девушка станет ключом к успеху проекта. Атмосфера в команде изменилась. Появился азарт, новые идеи рождались почти на каждом собрании. Люди заряжались ее энергией. Серж мог больше не подключаться к совещаниям — команда справлялась и без него. Но он продолжал приходить, убеждая себя, что просто наблюдает за процессом, хотя в глубине души понимал: его тянет нечто большее. То, что пряталось за незамысловатым пейзажем на аватарке и знакомым голосом, который никак не давал покоя.

Серж никогда не видел Милу, но ее голос и манера общения будто рисовали перед ним живой образ. Она казалась солнечной, звонкой, естественной. У нее было то редкое душевное обаяние, которое невозможно подделать. Открытая и легкая, она без застенчивости могла пошутить или метко подколоть, удивляла своим умом, широким кругозором и уверенностью. Но при всем этом оставалась комфортной в общении. Она умела выслушать, поддержать и ненавязчиво направить в нужное русло. Каждый раз, слыша ее голос, Серж ловил себя на том, что невольно улыбается. Хорошо, что камеры на совещаниях были выключены, — никто не мог заметить выражения его лица. Обычно он молча слушал, что обсуждает команда, но однажды решил вступить в дискуссию. Тема была ключевая — сценарий требовал ответа на непростой

вопрос: что выберет главный герой — быть с любимой девушкой или запретить себе любить? Все участники, кроме Милы, высказали свое мнение. Но именно ее точку зрения хотелось услышать Сержу.

— Почему вы молчите, Мила? — неожиданно обратился он напрямую.

— Потому что этот вопрос не имеет смысла, — ответила она, и ее голос прозвучал тихо, но уверенно.

— Поясните, — заинтересованно попросил Серж, приподняв бровь.

— Спрашивается, может ли герой запретить себе любить. Верно?

— Верно.

— А разве он спрашивал у себя разрешения, когда полюбил?

Ее тон был дружеским, но с истиной, которую она озвучила, сложно было поспорить. Серж молча обдумывал ее слова. Любовь действительно не спрашивает разрешения. Так может ли она подчиниться запрету? Он невольно улыбнулся. Эта мысль была простой и очевидной, но почему-то казалась ошеломляющей. Их разговор продолжился. Сначала Серж хотел обсудить сюжетный поворот, но диалог быстро перерос в личный — глубокий, философский, захватывающий. Остальные участники молча наблюдали за их беседой, словно за игрой двух мастеров, которые говорили совсем не о работе, но ход их мыслей зачаровывал слушателей. Серж даже не заметил, как забыл о коллегах. Об этом напомнила ему сама Мила.

— Простите, кажется, мы слишком увлеклись, — мягко намекнула она.

Он опомнился и услышал, как в наушниках раздался добродушный смех коллег. На мгновение Серж почувствовал себя мальчишкой, которого поймали за чем-то непопозволенным. Легкое смущение охватило его. Он не мог вспомнить, когда в последний раз кто-то заставлял его испытывать подобные чувства. Но Миле это удалось — непринужденно, легко, ненавязчиво. И ему это понравилось.

После того совещания Серж чувствовал себя странно. Что-то в нем щелкнуло, будто запустился механизм, действие которого он сам не понимал. Мысли крутились вокруг одного — ее голоса, ее слов. Он брался за дела, пытался сосредоточиться, но едва начинал, как отвлекался, теряя нить. Даже отказался от предложения друзей встретиться в баре. Шумные разговоры и пустой смех были совсем не тем, в чем он нуждался.

Серж хотел тишины. И... возможности вновь услышать Милу. Но что написать? Как найти повод? Это было похоже на наваждение. Раньше все было просто. Долгое время он не верил в любовь — она приносила только боль, в чем еще больше убедился после смерти Славы. Подпуская человека ближе, ты лишь увеличиваешь шансы на новые страдания, теряя его. Поэтому в жизни Сержа все было просто: он хотел удовольствия — и получал его, не обещая своим спутницам ничего большего. Те, кто соглашался на эти условия, оказывались в его постели, получая наслаждение друг другом, но никто из них не рассчитывал на глубокие чувства. Все было взаимно.

Сейчас картина изменилось. Этот голос — звонкий, легкий, чуть насмешливый — вызывал у него необъяснимый интерес. Серж не испытывал подобных чувств очень давно. Он в растерянности осознал, что не знает, как поступить. Интуиция подсказывала: подходить к этому нужно осторожно, все-таки речь шла о его коллеге. Серж представил, что бы он посоветовал своему другу в подобной ситуации. Он уселся прямо на пол в гостиной, прислонившись спиной к дивану, взъерошил волосы и набрал сообщение Миле. Решив не усложнять, просто задал вопрос, касающийся одной из сюжетных линий. Подобное начало диалога казалось приемлемым, не вызывало лишних подозрений и не переходило черту дозволенного в общении начальника и подчиненного.

«Добрый вечер, Мила. Простите за внезапность, но не отпускает одна идея по поводу сюжета. Надеюсь, не слишком поздно?»

Отправлено. И теперь оставалось только ждать. Минуты тянулись невыносимо медленно. Пять. Десять. Ответа все не было, и Серж начал корить себя за глупость. Конечно, она не ответит — уже поздно, да и зачем ей это? Но вдруг экран мигнул. Собеседник набирал сообщение. Серж глубоко вздохнул, сердце застучало быстрее.

«Добрый вечер. Все в порядке, ничего страшного. О чем идет речь?»

Ответ был приветливым, но официальным, и Серж почувствовал легкое разочарование. Однако не собирался сдаваться.

«Знаю, что мое сообщение могло вас удивить, особенно в такое время. Просто не хотел потерять вдохновение. Решил поделиться идеей насчет главного героя. Все-таки его выбор между любовью и страданием — довольно тонкий момент».

Отправил и тут же подумал, как это нелепо звучит. Что за чушь он несет? Но долго ждать ответа не пришлось.

«Поняла. Видимо, судьба героя вас сильно волнует ##», — пришел короткий ответ, украшенный задорным смайликом.

Серж невольно усмехнулся. Следующее сообщение пришло почти сразу.

«Не переживайте, я как раз сейчас работаю над этим!»

«Прямо сейчас?» — удивился он.

«Кажется, ко мне вдохновение приходит в то же время, что и к вам ##».

Ее слова — легкие, с доброй иронией — выбили его из равновесия. Серж поймал себя на том, что улыбается, глядя на экран. Мила явно умела подобрать правильный тон, общалась ненавязчиво, не слишком официально, но и не переходя границы. Она, конечно, догадалась, что рабочий вопрос был лишь поводом начать диалог. Чтобы сократить дистанцию, Серж предложил перейти на «ты» — в компании это было обычной практикой. Затем он задал несколько вопросов, которые могли бы помочь разговору пойти легче: как ей работаете на новом месте, почему она решила заняться сценариями, будучи успешным автором книг, и удалось ли сдружиться с командой.

Мила отвечала дружелюбно, но сдержанно. Ее лаконичность могла показаться равнодушием, но Серж чувствовал: дело не в этом. Возможно, она просто не хотела выглядеть излишне откровенной в общении с руководителем. Они переписывались некоторое время, но вскоре девушка, пожелав спокойной ночи, вышла из диалога.

Сержу этого не хватило. Ощущение недосказанности подогрело его интерес, и он придумал план, откровенно шитый белыми нитками. Он перестал появляться на совещаниях, поручив руководителю проекта передать Миле, что любые ее вопросы и отчеты лучше обсуждать с ним напрямую. Это дало ожидаемый результат — они начали переписываться чаще.

Хотя разговоры оставались преимущественно рабочими, Мила постепенно раскрывалась. Чем больше времени они проводили за обсуждением сюжетов и персонажей, тем больше Серж узнавал о ней самой. Девушка не рассказывала о своей жизни, но Сержу удалось нарисовать картинку, основываясь на отдельных деталях. Писательство было ее отдушиной — в нем девушка могла быть любой, пусть даже ранимой и уязвимой, и не стесняться этого. Она погружалась в любимое дело с головой, проживая каждую сцену. Именно поэтому ее сюжеты завораживали — они были искренними. Богатство ее внутреннего мира создавало не просто миры, а целые вселенные. Мила умела задавать простые вопросы, на которые хотелось давать честные ответы.

«Расскажи, почему ты занялся своим делом? Чем тебя заинтересовали геймдев и новеллы?» — однажды спросила она.

Этот вопрос возник в ходе спора о том, где персонаж их истории должен найти свое призвание, но Серж почувствовал, что за ним стоит что-то большее.

«Это хороший прибыльный бизнес, ниша которого еще не захвачена титанами. Даже у небольшой студии, как моя, есть шанс найти свою аудиторию и развиваться, — ответил он. Но

затем, едва заметив, как подбирает более личные слова, добавил: — И потом, мне нравится психоанализ. Новеллы — это проекция жизни. Интересно наблюдать, как выстраиваются отношения между людьми».

Ответ казался честным, но Мила не была бы Милой, если бы не вывела его на новую грань откровенности.

«Чужие отношения — замена своим?»

Серж перечитал сообщение и засмеялся. Мила его поймала. Кажется, она так же хорошо разбиралась в психоанализе, как и в романтических историях.

«Можно сказать и так. Был неудачный опыт», — коротко признался он, не вдаваясь в подробности.

«Неудачный опыт дает хорошую основу для знаний», — ответила она с легкостью.

«Тогда я могу считать себя ученым», — с самоиронией парировал Серж.

«Но только если не избегаешь трудностей и не ищешь легких путей», — ответила Мила, не поддавшись на его шуточный тон.

Серж почувствовал, как очередная улыбка тронула его губы. Эта девушка... заставляла его смотреть на себя иначе. Он задумался. Можно ли назвать легким путем ту жизнь без обязательств, к которой он привык? И если он избегал серьезных отношений, не значило ли это, что он на самом деле бежал от трудностей? Всего лишь пара фраз Милы — и она разобрала его внутренний мир на части. Он никогда никому не рассказывал о своих чувствах к девушке лучшего друга, делился этим лишь с психотерапевтом, пытаясь разобраться в себе. Он считал, что никто не сможет его понять, кто-то осудит, а кто-то и вовсе посчитает предателем. Но сейчас ему почему-то захотелось открыться. Ее слова прозвучали так, будто она могла понять его. А признаться в переписке было куда проще, чем произнести это вслух.

«Несколько лет назад я полюбил девушку, которая нравилась моему другу. Он ходил по ней с ума, и я знал, что она испытывает к нему те же чувства. Я не хотел терять друга, не хотел ставить их перед выбором. Я сохранил свои чувства в тайне и остался в стороне. Они стали парой — пусть недолго, но все же были счастливы. Для них это была истинная любовь, та, что предначертана судьбой. А для меня... я так и не понял, что это было. Моя любовь осталась ничем. Я не решился признаться ей».

Эти слова дались нелегко, но, отправив их, Серж почувствовал неожиданное облегчение. Будто сбросил с души камень, годами тяготивший его. Пусть Ярославы больше нет, его признание ничего не изменит, но, кажется, оно все равно было нужно. Самому Сержу. Он был влюблен, но не сумел это выразить, запретил себе любить. Хотя, как Серж понял гораздо позже, это тоже было своего рода бегство от искренних чувств и себя самого.

Ответ Милы пришел быстро.

«Мне очень жаль. Потеря любимого человека ранит душу. Но твоя любовь, как и твое решение не разрушать их отношения, несмотря на собственные чувства, говорят о твоей силе. Ты поступил как искренне любящий человек и как настоящий друг для них обоих. Только мужественный человек способен на такое».

Слова Милы заставили Сержа замереть. Почему-то он не решился упомянуть, что девушки, о которой он говорил, уже нет в живых, но слова о потере все равно отозвались в его сердце. Он ожидал другого ответа — осуждения за то, что позволил себе влюбиться в девушку друга. Слишком часто он осуждал себя за это сам. Но Мила приняла его историю иначе, разделив с ним горечь утраты.

«Ты действительно считаешь, что я имел право ее любить? Разве я не должен был запретить себе эти чувства?» — спросил он, почти не надеясь на понимание.

«Ты смог ее полюбить, и это прекрасно, — ответила Мила. — Тебе не стоит корить себя. Поблагодари судьбу за то, что это чувство хотя бы на миг наполнило тебя и вдохновило. Возможно, вы не были предназначены друг другу, но это не делает твою любовь менее значимой».

Серж перечитывал ее слова снова и снова, не в силах поверить. Мила, эта почти незнакомая девушка, смогла принять его историю так, как не мог принять он сам. Ее ответ разбудил в нем воспоминания — теплые, светлые, те самые моменты, когда он смотрел на Славу, любовался ею, зная, что не имеет права любить ее. Впервые за долгие годы он посмотрел на это чувство не как на запретное, а как на что-то настоящее. Он улыбнулся. Может быть, настало время перестать осуждать себя?

Эта переписка словно вывела их на новый уровень общения. Они продолжали писать друг другу, обсуждая все подряд: книги, музыку, любимые фильмы. С каждым сообщением дистанция сокращалась, а диалог становился все теплее. Откровение Сержа создало между ними удивительное чувство доверия. Наступила ночь. Загорелись звезды. Но ни Серж, ни Мила не думали о времени. Лишь когда первые золотые оттенки залили горизонт, он с сожалением заставил себя прервать переписку и пожелал ей добрых снов.

Мила, возможно, и заснула под утро, но сам Серж не смог. Он лежал на кровати, заложив руки за голову, и улыбался. Ему было по-настоящему хорошо. Не физически, но душевно. Впервые за долгие годы он чувствовал, что внутри не пустота, а что-то светлое.

За всю свою жизнь ни одной девушке Серж не открывался так, как открылся Миле за одну ночь. Прежние отношения были простыми, даже поверхностными: девушки интересовались его статусом, деньгами, внешностью — но не им самим. И он не винил их. Ведь сам выбирал тех, кто не требовал большего, не хотел проникать в глубь его души, не нуждался в его любви. Да и он сам не хотел влюбляться. Мила оказалась права: шел по легкому пути, избегая трудностей, избегая чувств.

Думать о ком-то другом этой ночью Серж не мог. Он никогда не видел Милу, не знал, как она выглядит, но сознательно избегал искать ее в сети. Между ними что-то зарождалось, неуловимо хрупкое и чистое, и он не хотел разрушить это лишней информацией, которая могла стереть очарование его фантазий. Ему пока хватало ее голоса, слов, и того теплого чувства, которое неожиданно поселилось в его душе.

Психотерапия научила Сержа разбираться в себе, и он понимал: возможно, это всего лишь бегство от реальности. Но сейчас не хотел ничего анализировать. Он позволил себе просто быть, наслаждаться моментом без планов на будущее. Ведь в этом будущем могло ничего не быть. Он думал лишь о том, что еще мог бы ей рассказать, о чем спросить, и с нетерпением ждал, когда новый день даст ему повод написать: «Доброе утро».

Но, прежде чем он успел отправить сообщение, на телефон пришло новое уведомление. Сердце Сержа вздрогнуло. Он быстро взглянул на экран, ожидая увидеть что-то от Милы, но вместо нее прочитал сообщение Игната.

«Есть инфа о госте Вальзера?» — коротко спросил он.

Серж почувствовал досаду, но тут же сосредоточился. Игнат был настойчив. Серж действительно провел неделю в поисках информации, которая могла пролить свет на загадочного дядюшку жениха Владиславы. Пока все попытки оказались тщетными. Он не хотел разочаровывать друга, и потому ответил уклончиво: «Я продолжаю искать».

Закрыв мессенджер, Серж снова углубился в архивы и старые электронные сводки новостей. Но чем дальше он копал, тем больше понимал: искать информацию о том времени, когда интернет был еще в зачатке, — бесполезное занятие. В какой-то момент он настолько устал, что решил подключиться к рабочему совещанию, лишь бы отвлечься. Он жаждал услышать знакомый голос Милы. Он мало участвовал в обсуждении, оставался больше слушателем. Но Мила заметила его состояние.

«Что-то случилось?» — пришло сообщение в личку.

Серж не мог не улыбнуться. Чуткость девушки продолжала удивлять его.

«Ничего особенного. Почему ты спросила?»

«Твой голос изменился. Стал тревожным», — последовал быстрый ответ.

Серж вздохнул. Это было сложно объяснить, но Мила всегда находила способ заглянуть в душу.

«Есть одна проблема, которую я уже неделю не могу решить», — признался он, почти надеясь, что она предложит что-то дельное.

«Расскажи. Если смогу, помогу».

Ее готовность быть полезной тронула его. Серж не хотел впутывать Милу в поиски информации, связанной с опасным окружением Вальзера. Но в какой-то момент понял, что взгляд со стороны может быть ценным. Он объяснил проблему максимально абстрактно. И девушка нашла простой, но гениальный выход.

«Когда я была на студенческой практике, мы с подругой оцифровывали старые выпуски газет. Попробуй обратиться в газетный архив. Многие старые выпуски до сих пор не выложили в сеть, но они хранятся на внутренних серверах. Если повезет, ты сможешь получить доступ через запрос».

Серж воспользовался ее советом, и вскоре результат оказался у него на руках. Он получил документы, которые наконец пролили свет на загадочного человека из окружения Вальзера. Информация пришла вовремя — прямо перед тем, как Игнат направился на встречу с ним.

Серж волновался за друга, ощущая опасность этого визита. Ему не нравился Вальзер. В этом человеке все было пугающим, но особенно его звериные глаза. Это был настоящий хищник в человеческом облике.

Чтобы отвлечься от тревог, Серж снова написал Миле. Их переписка уже стала привычной частью вечеров. Они говорили часами, делились мыслями, обсуждали все подряд — от работы до случайных наблюдений. И чем дольше они общались, тем больше казалось, что между ними нет никакого расстояния. Серж никогда раньше не ощущал такого. Ему было легко, тепло, и главное — он чувствовал, что его понимают.

В эту ночь звезды за окном светили ярко, но Серж их не замечал. Ему было все равно, сколько времени на часах. Он был поглощен бесконечным диалогом, который приносил ему радость.

Глава 6. Ужин на высшем уровне

Званных гостей встречали Вальзер и Мэри. Мужчины крепко пожали друг другу руки, и Вальзер похлопал Игната по плечу, показывая расположение. Этот сдержанный жест в мире Вальзера значил многое. Мужчина коротко представил свою супругу, а Игнат — свою спутницу. Только по имени, не уточняя, кем ему приходится Алекса, но девушка не смогла удержаться от пояснения:

— Невеста Игната, — нарочито громко произнесла она, погладив парня по плечу.

Игнат небрежно сбросил ее руку со своего плеча. Проявления нежности со стороны Алексы в доме Вальзера выглядели неуместными. Глазами он осматривал комнату, будто кого-то искал и надеялся встретить.

Неужели меня? Я замерла на лестнице, ведущей в гостиную, на секунду поддавшись панике. В моем распоряжении было несколько секунд, чтобы шагнуть назад, исчезнуть, сослаться на недомогание и избежать ужина с гостями. Но что-то удерживало меня на месте. Что-то, чему я не могла противиться.

Игнат поднял глаза, будто почувствовав мое присутствие, и наши взгляды встретились. На моей рубашке он заметил свой подарок — бабочку, приколотую к вороту. Он пристально посмотрел на меня, и я увидела, как его лицо на миг смягчилось. От этого взгляда моя душа или то, что от нее осталось, сжалась от страха в комок. После всего, что со мной было, я едва ли чувствовала себя живой, выстроив высокую стену между собой и миром. Но с появлением Игната эта стена дала трещину. В ней хрупким ростком пробивалась надежда. Этот цветок тянулся к свету, исходившему от моего мальчика. Он словно чувствовал, что только Игнат может защитить, укрыть и спасти меня. Но я не могла разрешить этому ростку пробиться наружу.

Игнат улыбнулся, тепло и открыто, как тогда, в наши самые счастливые дни. Я машинально сжала кулаки, стараясь унять дрожь в теле. Не могла позволить себе надеяться на спасение. Понимала, что, если Игнат окажется рядом, ему тоже будет грозить опасность. Он и так далеко зашел, решив вести дела с Вальзером. Нужно его остановить, заставить отступить и забыть меня. Навсегда. Судорожно сделав глубокий вдох, я приказала израненному сердцу затихнуть. Расправила плечи, с трудом сдерживая подступившие слезы, и, вздернув подбородок, невозмутимо спустилась к гостям. В какой-то момент я почувствовала, как дрожат руки, но, стиснув пальцы, пошла дальше.

Вальзер обернулся, заметив напряжение во взгляде Игната, и его лицо стало настороженным, волчьим. На миг он нахмурился, как будто уловил нечто странное, но я быстро переключила на себя его внимание, и он смягчился.

— Влада, дочка, подойди ко мне, — Вальзер протянул мне руку, и я послушно подошла, вставая рядом. — Я пригласил твоего спасителя в наш дом, чтобы выразить благодарность. Хотел сделать тебе сюрприз, ты ведь рада его видеть? — спросил он, не столько интересуясь моим мнением, сколько присматриваясь к моей реакции.

Если бы он предупредил, что собирается пригласить Игната, я бы предложила ограничиться формальностями, подарить ему что-то дорогое — коллекционный виски или часы. Но, разумеется, это решение Вальзер принял без моего участия, лишь для видимости поинтересовавшись моим мнением уже при гостях. Разум велел мне держать чувства под контролем, но один факт я не могла не признать — Игнат спас меня. Мой мальчик снова спас меня, хотя понятия не имел, что, сделав это, подвергал себя новой опасности. И за это я была бесконечно благодарна. Только вот спасение для меня было не столько чудом, сколько продлением пытки, жгучим напоминанием о боли. Игнат не знал, даже не догадывался об этом. Он был готов рисковать собой ради той, кого когда-то потерял, кого оплакивал, но кто воскрес под чужим именем и с чужим лицом. Стараясь не выдать себя, я отвела взгляд и смахнула незаметно подступу-

пившие слезы. За годы, проведенные в доме Вальзера, я научилась держать себя в руках, но рядом с Игнатом все мои маски давали трещины, обнажая истинные чувства, которые я так старательно прятала.

Как же я мечтала искренне сказать Игнату, что благодарна ему! Не за то, что жива, но за то, что могу вновь видеть его и почувствовать себя рядом с ним настоящей. Пусть и ненадолго.

— Хорошая идея, отец, — холодно ответила я, не глядя на Игната. Если посмотрю ему в глаза, остановиться уже не смогу. Это заметят все, особенно Алекса. А так непозволительно смотреть на мужчину, которого за руку держит невеста.

Чтобы отвлечься от захвативших эмоций, я перевела взгляд на Алексу. Та с удивлением прислушивалась к словам Вальзера, не понимая, почему Игната называют моим спасителем. Она попыталась скрыть удивление, но в ее глазах все же мелькнуло что-то, напоминающее недовольство, которое тут же сменилось дежурной улыбкой. Когда-то Алекса притворялась милой перед Ярославой, а теперь точно так же пыталась казаться милой перед Владиславой. Только я знала, что и тогда, и сейчас она терпеть меня не может. Алекса явно улавливала невидимое притяжение, которое влекло нас с Игнатом друг к другу. И это злило ее, ведь я все еще любила Игната, а он, кажется, начинал влюбляться во Владу.

Алекса почти не изменилась. Все так же стильно, дорого и со вкусом одета: летний брючный костюм — пиджак и брюки-палаццо в стиле олд мани. Светлые волосы стали короче, и теперь обрамляли лицо аккуратным прямым срезом, едва доходя до плеч. Новая стрижка делала Алексу старше. А вот ее идеальная фигура была девичьей, Алекса скинула пиджак, оставшись в открытом топе, персиковый цвет которого подчеркивал ее точеную талию и загорелые плечи. Однако Алекса сохранила и не проходящую с возрастом фальшь, она впиталась в ее кожу, как и приторно сладкий аромат ее дорогих духов.

Вальзер решил представить нас друг другу.

— Моя дочь — Владислава, — объявил он Алексе.

Я сдержанно кивнула и услышала в ответ:

— Алекса, невеста Игната, — заявила девушка, снова напомнив о своих правах. Она вела себя ужасно назойливо, но совершенно этого не смущалась, прикидываясь милой. — Приятно познакомиться!

Ее манеры так раздражали, что хотелось скорчить рожицу и, кривляясь, передразнить, но я лишь глухо ответила:

— Взаимно, — едва не добавив, что мы знакомы.

— Я правда рада нашему знакомству, — приторно улыбнулась Алекса. — Как я понимаю, Игнат и ваш отец ведут деловые переговоры, а значит, мы будем часто видеться и можем стать подругами, — добавила она с преувеличенной доброжелательностью.

Теперь мне захотелось покрутить пальцем у виска. Алекса явно переигрывала роль невесты, пытаясь во что бы то ни стало всем понравиться. Моя бровь невольно взметнулась вверх, а губы искривились, не сумев изобразить улыбку. Даже для приличия я не могла вытянуть из себя вежливый ответ, поэтому промолчала. Однако меня укололо, что она в курсе планов Игната. Неужели он ей так доверяет? Благо нашлась Мэри — уловив мое напряжение, она кивнула Алексе, чтобы сгладить неловкость. Мэри, одетая в красное облегающее платье, выглядела немного вульгарно, и уж точно не могла понравиться Алексе.

— Конечно, вы обязательно подружитесь, — мило подхватила она, расплываясь в широкой улыбке. — Знаете, мы с Владой очень близки, но, боюсь, она уже устала от меня, — весело добавила мачеха, всем видом показывая Вальзеру, как она исполняет его распоряжение. — Нашей девочке не мешают новые знакомства, а то она так любит читать книги, что мне начинает казаться, будто Влада избегает людей.

Я не успела и глазом моргнуть, как из формального знакомства беседа перетекла в обсуждение моей персоны. Да еще с Алексой! Я ждала, что Вальзер прервет Мэри, как делал каждый раз, когда был с ней не согласен, но в этот раз он почему-то молчал.

— Вы любите читать? — поинтересовался Игнат, уловив любимую тему, которая когда-то была нашим общим интересом. — Какие книги вам нравятся?

Он втягивал меня в разговор, а я сдерживала себя, чтобы не ответить, но, переведя на него взгляд, невольно почувствовала тепло. Волна светлых эмоций накрыла меня, когда я представила, что могу обнять его, как это было несколько лет назад.

— Разные, — как можно холоднее ответила я, снова отводя взгляд.

— А авторы? Есть любимые? — не сдавался он.

— Всеякие, — опять бесцветно ответила я, желая закончить разговор.

Я с трудом играла роль равнодушной холодной девицы, делая все, чтобы Игнат отказался от затеи меня добиться. Это был мой долг перед ним.

— Влада покажет вам свою библиотеку, но позже, — твердо произнес Вальзер, прерывая неловкую паузу. — Сейчас ужин, — добавил он, приглашая гостей к столу.

Ужин был организован на высшем уровне. Вальзер явно хотел создать атмосферу роскоши и изысканности для гостей. На столе были различные закуски, икра, дорогие вина. За все годы, проведенные с ним, я не видела, чтобы он старался произвести на кого-то впечатление или пытался кому-то понравиться. Напротив, с гостями, что появлялись в доме, Вальзер всегда был сдержан и даже суров, оставаясь собой. Но на этот раз он, казалось, держался иначе, пытаясь расположить к себе Игната, и производил впечатление радушного хозяина. К Игнату он был настроен дружелюбно, впустил его в свой круг. И это меня настораживало.

Вальзер всегда был немногословен, но сейчас не скупился на слова благодарности. Он поднялся во главе стола, и все взгляды обратились к нему. Мы с Мэри сидели слева, Игнат и Алекса — справа.

— Игнат, я не ожидал, что ты рискнешь собой ради спасения моей дочери. Не каждый решится с голыми руками броситься на человека с ножом. Но ты это сделал, и никаких других доказательств не нужно, чтобы понять: ты надежный и крепкий человек. Свой, — подчеркнул Вальзер, намеренно делая паузу.

Он благодарил Игната, но от его сухого, шершавого голоса, в котором чувствовалась сталь, и от этой многозначительной паузы у меня по рукам побежали мурашки.

— Знай, — продолжал Вальзер, — что за спасение Влады я готов сделать для тебя многое. В любой передрыге прикрою, из любой ямы вытащу. Никакой платы не пожалею, по закону или по понятиям. Она — самое ценное, что у меня есть. — Он осекся и добавил: — Что осталось.

Эти слова прозвучали странно, ведь у Вальзера было все — деньги, власть, связи. Но, кажется, все это для него ничего не значило по сравнению с жизнью дочери. Он действительно хотел быть хорошим отцом, но уже не мог, сам не зная, что давно потерял дочь.

— Проси что хочешь. — Вальзер смотрел на Игната с непоколебимой серьезностью. — Я у тебя в долгу.

Вальзер был человеком понятий и никогда не бросал слов на ветер. Выражаясь иначе, он предлагал Игнату свою крышу, защиту во всех доступных ему кругах. Это было сильным жестом. Губы Алексы тронула легкая улыбка. Очевидно, ей было приятно, что такой человек, как Вальзер, считал себя обязанным перед ее мужчиной. Воображение уже рисовало возможные выгоды, которые можно будет извлечь от этого союза. В бизнесе всегда найдутся конкуренты, которых нетрудно устранить руками такого человека. Однако, ее ничуть не волновало то, с каким риском для себя Игнат получил это расположение. Коснувшись руки Игната, она выразила ему свое молчаливое одобрение, словно подбадривая его.

Лицо Игната оставалось непроницаемым, он научился владеть эмоциями, и невозможно было определить его отношение к Вальзеру. Не обращая внимания на Алексу, Игнат перевел

взгляд на меня. И в этот момент он прочитал в моих глазах ужас, немой крик: не принимай! Не соглашайся, не протягивай ему руку! В тебе самом достаточно силы, чтобы выстоять перед чем угодно. Беги, уноси ноги отсюда, пока не поздно. Я слегка покачала головой, делая вид, что поправляю волосы, чтобы никто не заметил этот немой сигнал.

— Есть кое-что, что я хотел бы обсудить наедине, — решительно произнес Игнат, глядя прямо на меня.

Его слова прозвучали как приговор. Единственным успокоением все эти годы было то, что он сможет быть счастлив, подальше от меня и от этого дома. Но теперь он лишил меня и этой надежды. Если я не могу спасти себя, то хотя бы должна попытаться спасти его.

— Идет, — подтвердил Вальзер, хлопнув Игната по плечу, и сел обратно.

— Нет, — выдохнула я, резко поднявшись на ноги. Мои пальцы дрожали, но я решила говорить твердо. Впервые я осмелилась перечить Вальзеру. — Ты слишком щедр, папа. Со мной ничего страшного не произошло, поэтому незачем расплачиваться так дорого. Слов благодарности было бы вполне достаточно. Если хочешь отблагодарить, можно ограничиться подарком. Что вы хотите, Игнат? Валюта, машина, недвижимость? Сколько возьмете?

Это звучало гадко, я предложила расплатиться за поступок Игната, обесценив его мужество. Не так благодарят за спасение. Мои слова терзали меня саму, и, с трудом сдерживая боль, я прикрыла глаза, мысленно прося его о прощении. Я была готова отдать за Игната больше — свою жизнь, если понадобится. Я не позволю ему попасть в лапы к монстру. Не позволю ему стать монстром. Пусть лучше сама стану им в его глазах! После моих слов повисло молчание. Присутствовавшие явно были в недоумении. Игнат напряженно выдохнул, не спуская с меня глаз.

— Вы неправильно меня поняли, Влада, — проговорил он сдержанно, его голос звучал ровно, хотя, несомненно, это требовало усилия. — Я здесь не ради вознаграждения за спасение. Я сделал это не из выгоды, а потому, что не мог оставить вас в беде. Ваш отец пригласил меня на ужин, поэтому я здесь.

— Вот и ужинайте, — раздраженно ответила я и тяжело опустилась на место.

— И вам приятного аппетита, — ответил Игнат, продолжая неторопливо орудовать ножом над стейком. Он даже улыбнулся мне, как будто мои слова ничего не значили.

Я вынудила его оправдываться, и была готова пойти дальше — закатить истерику, устроить скандал, если понадобится. Но его уверенность в себе обезоружила меня сильнее, чем моя дерзость могла его задеть. Игнат повзрослел и уже не был пылким юношей, который считал мир игрушкой в своих руках. Он стал мужчиной, умел взвешивать свои решения и никому не подчинялся.

— Сумасшедшая, — шепнула мне Мэри с опасением глядя на реакцию мужа.

Вальзер отложил приборы, и, кажется, я напрочь испортила ему аппетит. Поразмыслив, он отодвинул свой стул, поднялся и позвал меня.

— Влада, на пару слов, — приказал он сухо.

Отец вышел из гостиной, а я нехотя встала и последовала за ним.

— Вляпалась, — снова прошептала Мэри, будто я сама не понимала. — Молчи, пока он будет отчитывать, смотри в пол и кивай, — по-своейски дала она совет.

Я чувствовала на себе взгляд Игната, пока выходила. Вальзер уже ждал в библиотеке, привычно держал руки за спиной, скользя взглядом по ряду книг. Я остановилась в нескольких шагах, не собираясь, вопреки наставлениям мачехи, опускать взгляд.

— Ты прочитала много книг, Влада. Книги нравятся тебе больше, чем люди? — неожиданно спросил Вальзер, не оборачиваясь.

Я ожидала, что наш разговор будет о другом, и поэтому несколько растерялась от его вопроса:

— Порой книги действительно лучше некоторых людей.

Вальзер хмыкнул. Смеяться он, похоже, не умел, но мой ответ позабавил его.

— Чем же?

— Книги могут рассказать тебе о чем угодно, но они не в силах заставить принять точку зрения автора. Читатель всегда сам решает — какой книге и насколько верить.

Вальзер обернулся и внимательно посмотрел на меня, его взгляд был тяжелым, но в нем не было осуждения или холода. Несмотря на жестокий характер, он, видимо, по-настоящему любил ту, кого считал своей дочерью. И я, впервые за много лет, не испытывала перед ним страха и не собиралась допустить, чтобы он втянул Игната в свою игру.

— Тебе не нравятся наши гости? — Вальзер изучающе посмотрел на меня.

Лгать ему не имело смысла — он все равно почувствовал бы.

— Скорее, я не ожидала их встретить сегодня в нашем доме.

— Но они здесь. Так почему ты грубишь Игнату? Будто он не спас тебя, а обидел. Скажи, если я чего-то не знаю.

Вальзер вызвал меня на разговор не для того, чтобы научить вежливости. Как заботливый родитель он хотел понять, что творится в душе его ребенка, понять, что побудило меня вести себя так дерзко. От его взгляда не скрылось, что я искрю эмоциями, как оголенными проводами. Я молчала, не зная, что ответить.

— Я узнал его, — проговорил он после паузы, словно раздумывая. — На дне рождения Рустика это он, Елецкий, стоял рядом с тобой на балконе. Он неприятен тебе? Может, позволил себе лишнего? Если так, скажи — я разберусь.

— Нет-нет, — быстро перебила я, чтобы Вальзер сам не придумал чего-то лишнего.

— Тогда в чем дело, Влада?

— Он... — Я замялась, но у меня не было выхода. Моя холодность уже заставила Вальзера насторожиться, а сгущать тучи над Игнатом и далее было опасно. Я должна была действовать осторожно. — Он нравится мне, — произнесла я растерянно, чувствуя, как собственные слова отзываются болью в душе. Я действительно была силой разлучена с тем, кого всем сердцем любила. И решила позволить Вальзеру узнать кое-что обо мне настоящей. — Мы встретились случайно, и он сразу заинтересовал меня. На следующий день Игнат вернулся в гостиницу, хотел поговорить, но я отказалась. Рядом был Марк, ему это не понравилось. Потом, после обеда, я вышла прогуляться в сквер рядом с гостиницей, и когда на обратном пути собралась переходить дорогу после дождя, не знала, как обойти лужи. И тут появился он, подхватил меня на руки и перенес. Переживал, что могу простудиться, если промочу ноги, — вспомнила я, прикрыв глаза, ощущая трепет в душе от того, что могла касаться его тела, чувствовать аромат любимого одеколona. — Но тут снова появился Марк с охраной, и они чуть не подрались. Позже произошла встреча на дне рождения. Но я провела вечер со своим женихом, запрещая себе и думать об Игнате. А потом... потом был тот момент с похищением, лезвие ножа у моего горла. И тут снова он. Игнат. Он не думал, просто накинулся на похитителя, ничего не боясь. Ведь он мог не рисковать, пройти мимо, позвать охрану или тебя, но не спасовал. Я ему благодарна. Скажи, разве можно не влюбиться в такого?

Слова слетали с губ сами собой... Я забылась в своем рассказе, будто разговаривала не с Вальзером, а с кем-то из родных, с мамой или Стешей. Или просто сама с собой. Видимо, я не заметила, как и Вальзер стал мне родным, или же я просто к нему привыкла?

Он слушал внимательно и молчал, о чем-то задумавшись, в его глазах промелькнули отблески каких-то светлых воспоминаний. На мгновение уголки губ приподнялись, и Вальзер даже слегка зажмурился, словно пытаясь сохранить этот свет.

— Ты не любишь Марка? — Его голос был спокойным, но пытливым.

Ответ дался мне непросто.

— Люблю, но... по-другому.

— Как же нам поступить? — Вальзер потер подбородок, словно всерьез раздумывая над какой-то задачей, кажется, он терялся в решении вопросов, касающихся чувств. — Вести дела проще, в деньгах есть счет, у законников — законы, у людей — понятия, но ни того, ни другого нет в любви. Ни счетов, ни правил.

— Я знаю, что должна сделать, — решительно заявила я, и Вальзер замер, слушая. — Я должна забыть Игната, будто никогда его и не встречала. Не хочу его видеть, не хочу, чтобы он появлялся в нашем доме. — Мой голос прозвучал слишком требовательно, и Вальзер удивленно вскинул брови. — Пожалуйста, папа! — чуть мягче добавила я.

— Хорошо, дочка. — Он погладил меня по голове, словно маленькую девочку, и одобрительно кивнул. — Но я уже дал слово и не могу не отблагодарить его за твое спасение. От этого не отступлю — дело чести.

Я рано обрадовалась, решив, что Вальзер меня поддержит и больше не выпустит Игната в нашу жизнь. Но даже не представляла, что еще он может придумать. Мы вернулись в гостиную, где Мэри, как всегда, беззаботно щебетала. Атмосфера казалась непринужденной, почти праздничной. Вальзер вновь занял место во главе стола, а я решила, что должна извиниться перед Игнатом.

— Игнат, прошу прощения за резкий тон, — сказала я уже своим привычным, спокойным голосом. — Я искренне благодарна за то, что вы сделали для меня. Вы смелый и благородный человек. Я в этом не сомневаюсь, а мои слова, сказанные ранее, были глупыми.

Вальзер одобрительно кивнул, явно довольный моими словами. Игнат выслушал меня и тоже кивнул, приняв извинение и благодарность. Я ждала, что он ответит улыбкой, быть может, в последний раз, но вместо этого в его глазах отразилась бескрайняя, немая тоска, а уголки губ чуть заметно опустились. Казалось, его янтарные глаза стали темнее, в них не видно было дна, в них отразилась горечь.

Оставшийся вечер прошел спокойно. Вальзер и Игнат обсуждали деловые вопросы, делились наблюдениями и мыслями о том, какой бизнес перспективен для будущего. Мэри откровенно скучала и налегала на красное вино. Алекса, сложив изящные пальцы под подбородком, делала вид, что внимательно слушает мужчин, хотя время от времени я ловила на себе ее колючий взгляд.

Я сидела с отстраненным видом, слушала, но не слышала, глядя на присутствовавших как бы издалека. Этот вечер стал для меня настоящим испытанием, обнажившим слишком много чувств, и я старалась вновь погрузиться в привычное равнодушие, стать тенью Владиславы. Мысленно я уже была в другой реальности — в своей книге, в истории о девушке-звезде, и обдумывала, каким должно быть продолжение ее судьбы. Так погрузилась в свои мысли, что не сразу заметила, как Вальзер и Игнат вышли из-за стола. Я потеряла их из виду и поняла это, когда Мэри начала оживленный разговор с Алексой. Они обсуждали дом и обстановку.

— Мне нравится ваш дом, дизайн интерьера. Наверное, его проектировал талантливый архитектор? — с интересом спросила Алекса.

— Да, француз. Илья пригласил его из столицы, где он строил дома для высокопоставленных лиц. Архитектор предложил несколько эскизов на выбор. Мне больше нравился другой вариант, но Илья выбрал этот — не дом, а крепость со стражей, такой же холодный и скрытный, как он сам, — с легким вздохом ответила Мэри. Алкоголь расслабил ее, а в таком состоянии она могла сболтнуть лишнего. — Но кое-что из обстановки сделано по моим запросам. От скуки я перелистала сотни журналов по интерьеру. Вот, например, картины в гостиной выбирала я. Их привезли из галереи на Елисейских полях. Боже, эти картины видели Эйфелеву башню, а я до сих пор нет.

Мэри говорила о полотнах, что висели в гостиной. Массивные, тяжелые рамы цвета охры украшали репродукции известных полотен. На одном из них были изображены летящие ангелы — пухленькие, розовощекие младенцы с кудрями, тянущие руки к невидимому свету. На дру-

гом — девушка прощалась с крылатым возлюбленным, склонив в печали голову и отвернувшись от него. Свет падал на юношу, озаряя его мужественное лицо и простую одежду. Взгляд девушки был устремлен в противоположную сторону, где царил тьма, и лишь смутно угадывалась фигура другого мужчины, сурового, жесткого, чем-то похожего на Вальзера. В руке он держал украшение, был явно богат и властен, потому девушка и выбрала его. Признаться, эти картины никогда не привлекали моего внимания. Я считала, что они развешаны просто так, потому что Вальзер любил роскошь и не скупился на обустройство дома. И не знала, что они отражают скрытые мысли Мэри.

Алекса подхватила тему и заговорила об искусстве, в котором, как оказалось, отлично разбиралась. Даже мне стало интересно ее слушать, разговор оживился. Мэри предложила показать Алексе дом, и та с радостью согласилась. Мне пришлось следовать за ними. Пока они осматривали комнаты, я мучительно раздумывала, о чем разговаривают наедине Игнат и Вальзер.

Мэри, оживленно жестикулируя и указывая на детали, провела Алексу по гостиной, показала помпезную столовую с обеденной группой и дизайнерскими сервантами из резного дерева, окрашенного под слоновую кость, несколько гостевых спален, библиотеку, которая негласно считалась моей комнатой, и вывела гостью на мансарду, где можно было отдохнуть и подышать вечерней прохладой.

Мы устроились в мягких креслах, и Мэри распорядилась подать чай.

— Обожаю такие загородные резиденции, — продолжила разговор Алекса. — У моего жениха есть похожий дом на берегу реки, красивый и просторный. В нем уже несколько лет никто не живет, но я надеюсь, что после свадьбы мы туда переедем.

Я вздрогнула, услышав о доме, где жила вместе с Игнатом, Костей и мамой. Одни из самых приятных воспоминаний моей жизни связаны с этим местом, с людьми, что стали моей семьей. Я не знала, что в Костином доме никто не живет. Должно быть, после случившегося им обоим было тяжело там находиться. Странно, что Алекса этого не понимала.

— Почему там никто не живет? — спросила я, вступив в разговор.

Алекса коснулась губами края чайной чашки и обожглась.

— Из-за последней жены отца Игната. Не хочу сплетничать, поэтому расскажу без подробностей — это невероятно трагичная история, многих она шокировала. Едва ли смогу говорить об этом без слез, — Алекса превосходно лицемерила и искусно играла на эмоциях, пробуждая в Мэри еще больший интерес. Она явно искала к ней подход, ведь было очевидно — ту заинтересуют сплетни о чужой жизни, потому что собственная скучна.

— Кажется, мы что-то об этом уже слышали, — подхватила Мэри, в глазах ее горело любопытство. — Помнишь, Влада? Когда мы приезжали на торжество Рустика, девушка из салона рассказывала эту историю, а ты ее перебила и велела замолчать.

— Я и сейчас не хочу ничего об этом слышать. — ответила я, как можно равнодушнее.

Чашка с горячим чаем совершенно не согревала мои ладони, в пальцах я чувствовала только холод.

— Странно, — пропела Алекса, прикрывшись своей фирменной вежливой улыбкой. — Вы же сами меня об этом спросили. Значит, вас все-таки что-то интересует.

— Я спрашивала про дом, а не про тех, кто в нем жил, — холодно уточнила я.

— Стены всегда запоминают своих хозяев. Они как книги. Ведь вы любите книги, Влада? — Алекса умело использовала против меня те крупницы информации, что успела узнать. — Значит, вам интересны чужие истории. Дома, однако, правдивее — они хранят тайны реальных людей, а не вымышленных.

— Влада, действительно, не будь ханжой. Дай послушать, — вмешалась Мэри.

Я уступила, понимая, что не могу вечно убегать от страха, что кто-то узнает правду обо мне. Хуже всего было то, что моя история, пересказанная другими людьми, была наполнена

ложью. Я вновь почувствовала себя заложницей обстоятельств и не могла вымолвить ни слова, чтобы опровергнуть клевету о моей маме. Отставив чашку с чаем, я поднялась и, не покидая мансарду, отошла к окну. Хотела скрыть от всех свое немое страдание, разрывающий душу крик, застывший на губах, и горькие, но невидимые слезы.

Алекса начала рассказ, а Мэри подалась вперед, жадно ловя каждое слово.

— Эта женщина намеренно стала женой Елецкого, чтобы украсть информацию для конкурентов. Никто не знает, как ей это удалось, но Константин ради нее бросил жену. Многие его отговаривали, предупреждали, но он будто лишился рассудка и твердил, что влюблен. Она даже ждала ребенка, но намеренно избавилась от него, — добавила Алекса с осуждением, и в ее голосе зазвучала ядовитая интонация.

Мэри ахнула, едва не выронив чашку, и прошептала ругательство. Я же себя чувствовала так, будто меня поразила молния. Боль пронзила каждый нерв, и мне хотелось закричать, что мама ждала этого ребенка, мы все его ждали, я читала ему сказки и выбирала имя. Но мне оставалось только молча повторять это про себя, удерживая в памяти то чудесное, что было с нами.

— Константин не замечал ее лжи, он был ослеплен ею, — продолжила Алекса с холодной усмешкой.

— Да-да, мужчины вообще не особо внимательные, — легко подхватила Мэри, как будто они обсуждали банальную ошибку.

— Но вскоре эта женщина украла из его дома ценную информацию и передала конкурентам. Империя Елецких тогда едва не рухнула, и моей семье пришлось их поддержать, — подчеркнула Алекса, с гордостью вздернув подбородок. — Сам Константин оказался в больнице с сердечным приступом. Эта ужасная женщина едва не убила его. Недаром говорят, что каждому воздастся по заслугам. Она не стала исключением.

— И как он ее наказал? — живо спросила Мэри. — За такое ведь могут и... порешить, — выдала она, нахватавшись жаргона.

Мне хотелось заорать на них обеих, но я лишь зажала рот ладонью. Нет, мама не предавала Костю. По крайней мере она всегда говорила мне правду. Это Стас подставил ее...

— О ее смерти ходит много слухов. По официальной версии, она погибла в автокатастрофе вместе с дочерью и бывшим мужем. Следствие установило, что аварию устроил как раз ее бывший муж. Она сбежала от него много лет назад. Он издевался, избивал ее, а дочь так и вовсе боялась своего отца, даже когда стала взрослой, все равно тряслась от одного лишь упоминания о нем. — Алекса поджала губы, как будто эта история ее искренне возмутила.

— Откуда такие только берутся? — с осуждающим вздохом произнесла Мэри, как будто ее собственный муж был лучше. Да, Вальзер не трогал ее, но все знали, насколько жесток он бывал с другими. — И как же он их нашел?

Мэри интересовало то же, что мучило и меня все эти шесть лет. Я полагала, что Алекса не может знать всех деталей, но ей удалось меня удивить:

— Помогли добрые люди.

— И ты знаешь кто? — глаза Мэри загорелись жадным интересом.

Я резко обернулась к Алексе. Она ничего не ответила, лишь пожала плечами, но в ее улыбке читалась дерзкая уверенность. И в этот момент мне показалось, нет, я была уверена — она знает. Знает, кто вернул в нашу жизнь монстра. Это подозрение выбило почву у меня из-под ног. Откуда она столько знала про отца? Что он бил маму и издевался над ней, что я боялась его до ужаса. Я делилась этим лишь с самыми близкими, — со Стешей, Игнатом... Кто еще мог об этом узнать? Вряд ли Алекса могла выведать это у Стешки. Тогда остается Игнат. Неужели он рассказал ей то, что было моим личным, самым сокровенным? То, что я доверила ему? Нет, не мог. Он не мог! Нужно вспомнить, обязательно вспомнить, кому еще я говорила о монстре.

В сознании мелькнули слова отца, когда он насильно затащил меня в машину: «Помогла одна милая дама. Твоя мать увела у нее мужчину. Нашла меня, пригласила сюда, дала всю необходимую информацию...». Сейчас я поняла: он упоминал Алину, бывшую жену Кости. Речь шла о матери Игната. Но она не могла действовать одна — кто-то ей помог, кто-то навел ее на монстра. Ни я, ни мама почти не говорили о нем. Мы скрывались от него, доверяя свои страхи только узкому кругу людей. И именно этим воспользовался враг. Но кто это был? Неужели Алекса? Для чего? Чтобы забрать Игната? Или есть другая, более коварная причина?

Я и представить не могла, что все это окажется настолько запутанным. Встреча с Алексой пробудила неприятное ощущение, словно мы с мамой не просто жертвы обстоятельств, а пешки в чьей-то тщательно продуманной игре. Игре, правила которой нам даже не известны. Эти мысли металась в голове, пока я не очнулась от размышлений, осознав, что пропустила часть разговора.

— С тех пор Константин так и не может оправиться, — с оттенком превосходства продолжала Алекса. — Врачи поправили его здоровье, но морально он разбит. Мужчинам лучше не любить, — заявила она с усмешкой, открыто выразив осуждение. — Любовь делает их слабыми и уязвимыми. А самое привлекательное в них — власть и сила.

От ее слов, пропитанных лицемерием и холодом, меня передернуло... Она лукавит, и я больше не могу молчать. Сделав глубокий вдох, я сумела совладать с собой — я ни перед кем ни должна оправдываться. Да, моя мама совершала некрасивые поступки. И даже то, что она раскаивалась и страдала из-за этого, не уменьшает ее вины, но она отказалась подчиниться Стасу, отказалась совершить подлость, и это стоило ей семьи. Я вернулась за стол и устремила взгляд на Алексу.

— Ну что, тебе тоже стало интересно? — спросила Мэри, явно надеясь, что я присоединюсь к их обсуждению, чтобы потом перемывать эту историю со мной.

— Да, стало... — Я не отрывала взгляда от Алексы, и та, почувствовав мое напряжение, повернулась ко мне с легким удивлением. — Мне тоже стало интересно, раскаивается ли тот, кто виновен в трагедии, унесшей жизни этих людей, в том, что он сделал?

— Вы не поняли меня, — ровным тоном ответила Алекса, — виновный погиб в аварии.

— Я говорю о тех, кто помог этому человеку найти жену Константина и ее дочь, — спокойно добавила я, не желая отпустить ее взгляд.

Я не сводила глаз с Алексы. Она почувствовала опасность и ответила уклончиво:

— Эта женщина сама виновата в случившемся, слишком боялась и все время бежала от страха, — сказала она, делая глоток чая, но поперхнулась.

— Думаете, что от страха невозможно убежать? — Я продолжала давить, чувствуя, что она знает больше, чем говорит.

— Нет, страх всегда преследует нас, как охотник свою жертву, — ответила Алекса, поглядывая на меня с легкой усмешкой. — Он — наша тень. История, которую я рассказала, хороший тому пример.

Алекса, казалось, мастерски сохраняла внешнее спокойствие, но ее пальцы невольно теребили салфетку, лежавшую на столе. Я заметила это, и, уловив мой взгляд, она тут же ее отпустила. Страх промелькнул в ее светлых глазах, прежде чем она снова взяла себя в руки. Наверное, поняла, что я разгадала ее маленькую тайну.

— Чего вы боитесь, Алекса? — резко спросила я.

Алекса, чтобы скрыть дрожь в пальцах, аккуратно поставила чашку на столик и коснулась волос, легким движением убирая прядь, словно отгоняя от себя волнение.

— Почему вас это интересует? — ответила она вопросом на вопрос.

Из окна тянуло вечерней прохладой, запахом хвойного леса, но щеки Алексы вспыхнули, будто в помещении внезапно стало душно. Даже Мэри не встревала в разговор, только и успевала крутить головой, следя за нашей беседой.

— Хочу понять, вы боретесь или бежите?

— Я всегда борюсь, — с вызовом заявила Алекса.

Я усмехнулась, не поверив ни единому слову. Хорошо знала, как выглядит ложь, которая скрывается за безупречным гримом, ведь и сама научилась жить во лжи за последние годы.

— А мне кажется, вы бежите. Бойтесь потерять Игната, и этот страх толкает вас к чему-то. Из-за этого вы готовы пойти на все. Но это не борьба, — ответила я твердо.

Я сама удивилась своей дерзости, но в тот момент чувствовала, будто видела ее насквозь. Возможно, я плохо знала Алексу, но в эту минуту мне казалось, что я сорвала с нее маску.

Алекса нацепила дежурную улыбку, но в ней было больше злобы, чем дружелюбия. На щеке и ключицах выступили красные пятна, словно наружу прорывалась скрытая ненависть.

— Почему вы решили, что я боюсь потерять Игната? — Ее голос звенел от едва сдерживаемой злости.

— Потому что считаете, нет, вернее, успокаиваете себя мыслью, что мужчина не должен любить. Но человек может и должен любить — именно это делает его сильным и живым, — выпалила я.

Внутри у меня разгоралась борьба за Игната, и в этот момент никто и ничто не могло меня остановить.

— Влада, да какая муха тебя укусила? — возмутилась Мэри.

Я пожалала плечами. Со стороны мое поведение могло показаться грубым, но я не сожалела ни на миг.

— В чем-то я соглашусь с вами, Алекса, — проговорила я, делая шаг назад, но не отказываясь от своего мнения. — Книжные герои, хотя они и вымышленные, могут быть более настоящими, чем некоторые реальные люди. — Я проницательно посмотрела на незваную гостью. — Прошу прощения, что не смогла поддержать вашу беседу, лучше вернусь к своим книгам.

Я поднялась и покинула мансарду, поставив точку в этом разговоре, а если признаться, попросту сбежала. Не могла больше находиться рядом с Алексой. Все, чего мне хотелось, — схватить ее за горло и заставить говорить правду о том, кто призвал в наши с мамой жизни монстра. Я скрылась в доме, и последнее, что услышала, были слова Мэри:

— Ужасная девушка, мне стыдно за ее поведение, к счастью, она не моя родная дочь.

Я с усмешкой подумала, что стоит порадоваться за мачеху: наконец-то ей будет с кем меня обсудить. Этот вечер полный накала страстей, определенно станет ярким событием в ее скучных буднях.

Глава 7. Поцелуй в библиотеке

Я хотела сбежать, но сбежать мне было некуда. Покинуть этот дом и чужих людей было нельзя. Вернуть Игната — невозможно. И хуже того — опасно. Поэтому я спряталась в единственном месте, где мне становилось спокойно, куда, кроме меня, почти никто не заходил. Я сбежала в библиотеку.

Книги стали моей отдушиной. За последние годы мне казалось, что я не просто читаю чужие истории, а сами книги слушают и понимают меня лучше других. Знают меня настоящую. Когда становилось особенно тяжело и больно, я доставала с полки любимые романы, водила пальцем по знакомым строкам, закрывала глаза, прижимала книгу к груди и на память перечитывала ее. Многие строки я знала наизусть.

Я подошла к полке с книгами Донато Карризи. Среди прочих выделялась одна, с затертым корешком. Это было одно из любимых Игнату произведений, которое я посоветовала, когда мы столкнулись в университетской библиотеке. Сколько бы ни прошло лет, я не забуду тот день. Помню каждую деталь, будто это случилось вчера: внезапно погас свет, и мы с Игнатом оказались среди стеллажей в полной темноте, а затем, словно две потухшие свечи, потянулись друг к другу за той единственной искрой, что могла нас зажечь. Среди всех желаний, что упрямо возникали в моей голове, два были особенно острыми, почти невыносимыми. Первое — избавиться от чужого лица, что смотрело на меня из зеркала. Второе — повторить тот поцелуй с Игнатом.

Желать этого сейчас, когда он находился в одном доме со мной, было нестерпимо больно. Я прижала книгу к груди, словно пытаясь затянуть кровоточащую рану, и остановилась напротив картины, на которой была изображена девушка с закрытыми глазами. Она казалась мертвой или спящей? Я никак не могла решить, но чувствовала с ней странное родство. Я, как и она, закрыла глаза. Мы обе застыли на границе между сном и смертью. Этот сон будет вечным, пока одна из нас не откроет глаза. Я стояла перед холстом, гадая, какой будет моя смерть. Мучительной от рук Стаса? Или скорой от Вальзера?

— Она проснется, — раздался за моей спиной уверенный мужской голос. — Потому что молодая, красивая, сильная. И мы тоже проснемся.

Родной, пробуждающий голос. Я резко распахнула глаза и обернулась. В библиотеку вошел Игнат. Его волосы были слегка взъерошены, плечи обтягивало черное поло с небрежно расстегнутым воротником. Он был один, и я не поняла, как он здесь оказался. Мне было сложно вымолвить хоть слово. Я должна была его прогнать, но не могла. Это было выше моих сил. Заметив мою растерянность, Игнат подошел ближе.

— Извини, если снова тебя напугал, Влада, — произнес он мягко, но с легкой тревогой, словно пытался меня успокоить.

Я не боялась его, как в прошлые встречи. В груди трепетали бабочки, заставляя забыть о дрожи. Я нестерпимо хотела коснуться его и машинально сделала шаг вперед. Но тут же остановилась. Он понял меня и тепло улыбнулся. Я же, напротив, нахмурилась, пытаясь скрыть нахлынувшие чувства. Игнат остановился в шаге от меня, скользнув взглядом по книге, которую я сжимала в руках.

— Можно? — осторожно спросил он, протянув руку.

Его пальцы коснулись моей кожи, и меня пронзило, словно током. Руки бессильно разжались, и я едва не выронила книгу. Игнат успел подхватить ее, развернув обложкой к себе. Он резко вдохнул и чуть дрогнувшим голосом прочитал вслух:

— Карризи «Девушка в тумане». — Его глаза блестели, он не пытался скрывать свою боль. В уголках его глаз выступили слезы. — Мы всегда стремимся спасти других...

Он попытался продолжить фразу из книги по памяти, но голос предательски сорвался, дыхание сбилось. Тогда я тихо подхватила:

— ...чтобы спасти самих себя.

Мой мальчик изменился... Он не стал забирать книгу, как это было в прошлый раз, а протянул ее обратно мне, но я не взяла. Вместо этого я осторожно коснулась ладонью его лица, словно стремилась запомнить каждую черту, запечатлеть это мгновение, вновь ощутить ту волну чувств, что поднималась во мне от малейшего прикосновения. Но внезапно в доме погас свет. Секунда. Другая. Удар сердца — и громкий, тревожный голос Вальзера, раздавшийся откуда-то из коридора:

— Всем отойти от окон!

Он был где-то рядом с библиотекой, но войти не успел. Его шаги быстро удалялись. Игнат схватил меня за руку и рывком притянул к себе, подальше от окна. Плотные портьеры не пропускали свет, поэтому без электрического освещения здесь наступила крошечная тьма. Игнат не знал, куда двигаться, и мы, спотыкаясь, врезались в книжный шкаф. Он прижал меня к полкам и заслонил своей спиной. Рядом со мной Игнат был в опасности. А мне хотелось спасти его и закрыть собой. Хотелось защитить его, и я прижалась к нему сильнее. Как только я почувствовала жар его тела сквозь рубашку, мой пульс участился так, словно я только что пробежала марафон.

— Хочу тебя поцеловать, — прошептал он хрипло. — Можно?

Меня накрыло дежавю, я будто вновь стала Ярославой, той, кто по-настоящему дорога Игнату. Я не могла согласиться. Но и отказаться была не в силах. Поцелуй с Игнатом был моей роковой мечтой, спасением и гибелью одновременно.

— Да, — выдохнула я и сама потянулась к нему.

Я коснулась его волос — мягких, густых, темно-кофейных, чуть короче, чем прежде, — и порывисто запустила в них пальцы. Прижалась ближе и глубоко вдохнула любимый аромат хвои и кашемира. Воспоминания окутали меня, голова закружилась, и я поддалась наваждению, безумию, охватившему нас обоих. Я гладила его волосы, нежно проводила рукой по его скулам, векам, подбородку, стараясь разглядеть сквозь темноту, запомнить каждую черту.

Игнат притянул меня ближе, не торопя и давая мне привыкнуть к нему. Он убрал книгу на полку, обхватил мою талию и медленно провел пальцами выше, крепче прижимая к себе. Его дыхание становилось прерывистым и горячим, оно согревало меня, пробуждая волнение и желание.

Я ждала этого поцелуя не меньше, чем он. Чуть привстав на носочки, я подалась навстречу ему, прижавшись так, что между нами не осталось и сантиметра. Он мягко коснулся моих губ, а затем чувственно углубил поцелуй, наполненный болезненной нежностью. Нам обоим приходилось сдерживать себя, но темнота прятала нас и поглощала, укрывала от всего мира, растворяя страх и оставляя лишь одно желание — никогда не отпускать друг друга. Тьма помогала, но при этом безжалостно выворачивала наши души наизнанку.

Теплой ладонью он нежно провел по моей шее, приподняв подбородок, а пальцы другой руки запустил в волосы и, сжав на затылке, чуть потянул назад. Из моей груди невольно вырвался тихий стон, и Игнат прижался сильнее, лаская меня своим дыханием и губами. Его нежность была такой глубокой, такой сильной, что, казалось, захлестывала нас, как бурный поток. Игнат проложил влажную дорожку к шее и ниже к ямочкам на ключице, заставляя меня трепетать. Ощущения переполняли, и я не в силах дышать, еще сильнее сжала его плечи, боясь отпустить хоть на мгновение.

Наши тела тонули во мраке комнаты. Огонь, горевший внутри нас, разгорался все жарче с каждым прикосновением. Игнат снова прильнул к моим губам, и поцеловал — неистово, жадно, утопая в страсти и боли.

Я остро ощутила его боль, мучительную тоску по той, кого больше нет. Ярославы больше нет. Я — лишь тень прошлого. Не в силах признаться или объяснить, я только желала утешить его, забрать его боль себе, даже сильнее, чем спасти себя. Слезы навернулись на моих глазах, стекая по щекам к уголкам губ. Игнат целовал их.

Если бы мне предложили умереть прямо сейчас, это было бы лучшим решением. Игнат, сам того не зная, касался моих самых глубоких ран, и его поцелуи будто исцеляли меня. Шрамы на душе затягивались, и вдруг я с ужасом поняла: что будет, если он узнает, кто я на самом деле?

Эта мысль испугала и отрезвила меня. Я резко отстранилась от Игната и требовательно прошептала:

— Это неправильно! Так не должно быть! Нам нужно остановиться и забыть друг друга.

Его глаза горели в темноте, и в них плескались упрямство и желание. Влечение, охватившее нас, было безумием. Опасным безумием. Я не могла позволить Игнату узнать меня. Это могло стоить жизни — ему, мне, моей маме.

Я была в плену у тьмы и не имела права тянуться к свету. Но едва я ухватилась за эту мысль, как в доме вспыхнул свет, ослепив нас. Мы зажмурились, пытаюсь привыкнуть к странству.

— Не смогу. Даже пытаться не стану, — упрямо ответил он.

Его слова разозлили меня. Я едва удержалась, чтобы не назвать его глупым, неосторожным мальчишкой. Игнат, будто прочитав мои мысли, усмехнулся и снова потянулся ко мне за поцелуем. Но при свете я инстинктивно отстранилась, опасаясь, что он разглядит больше, чем следовало. Я сделала пару шагов от него, как оказалось, вовремя: в следующую секунду в библиотеку заглянул человек из охраны.

— Владислава Ильинична, мы вас искали. Все в порядке?

— Да. — Я постаралась ответить спокойно, приняв отстраненный вид. — Что случилось? Почему погас свет?

— Автомат выбило, — объяснил охранник, переводя внимательный взгляд на Игната. Его лицо стало жестким, он изучающе смотрел на гостя. — У вас точно все в порядке? — зачем-то переспросил он.

— Да, в полном, — ответила я уверенно. — Наш гость заинтересовался библиотекой, и я показывала ему книги, когда погас свет.

— Понял, не беспокою, — учтиво кивнул охранник и удалился.

По рации он сообщил, что нашел меня и Игната Елецкого в библиотеке, добавив, что со мной все в порядке. Видимо, после попытки похищения Вальзер велел охране следить за мной. Этот короткий диалог с охранником позволил мне привести мысли в порядок и вернуть независимый вид.

— Все, уходи, — приказала я Игнату. — Не хочу, чтобы отец видел нас вместе.

Он не хотел уходить, но понимал, что настаивать не стоит. Игнат первым направился к выходу, но на пороге оглянулся.

— Рад, что мой подарок тебе понравился, — сказал он, искренне улыбнувшись.

Словно опомнившись, какую еще совершила ошибку, я коснулась броши на воротнике рубашки, пытаюсь сохранить холодность в голосе.

— Забыла, что это ваш подарок, — произнесла я сухо, стараясь изобразить безразличие, но слова прозвучали фальшиво.

После его ухода я тоже покинула библиотеку, но перед этим на мгновение задержала взгляд на картине. Прикоснулась к все еще горящим от его поцелуя губам и заметила, что губы девушки на картине тоже алели, словно после страстного поцелуя. Значит, она жива и проснется. Эта мысль наполнила меня надеждой, хотя я корила себя за опрометчивый поступок.

Вскоре Игнат и Алекса покинули дом Вальзера. Я провожала гостей, не глядя на них, запретив себе вспоминать поцелуй и прикосновения Игната — иначе я не смогла бы держать себя в руках. Произошедшее в библиотеке подарило мне вдохновение: теперь я точно знала, как продолжить свою книгу о девушке-звезде.

При прощании Алекса вновь взяла Игната за руку. Мы встретились с ней взглядом всего на миг, и я почувствовала: уверенность, с которой она вошла в дом Вальзера, куда-то исчезла. Я надеялась, что отныне она будет вспоминать наш разговор всякий раз, когда решит пустить слухи о моей матери.

После их ухода мы с Вальзером и Мэри остались на террасе. Был теплый летний вечер, пахло сосновой смолой и травами. Я сидела неподвижно, словно окаменевшая статуя, слепленная из страха и глины. Я не бежала и не боролась, только наблюдала.

Мэри потянулась, изогнувшись, и, словно невзначай, произнесла:

— Как же хочется на море. У нас даже негде позагорать, все солнце закрывают сосны.

Она заводила речь про отдых при каждом удобном случае в присутствии Вальзера, надеясь, что он однажды отправит нас на море. В отличие от нее, я не питала подобных иллюзий. Единственная надежда была на то, что я больше не увижу Игната.

Глава 8. Откровенный разговор

Игнат и Алекса прилетели в город Вальзера. Их встретили его люди на машинах бизнес-класса и отвезли в лучшую гостиницу, где был забронирован роскошный номер. Игнат уступил его Алексе, решив, что жить вместе неуместно, чем явно огорчил ее.

Перед новой встречей с Владой Игнату нужно было подумать и побыть одному. Мысли о девушке с первой встречи не отпускали его, а теперь к ним добавилось странное ощущение. Он чувствовал, что Влада в опасности, от которой он должен заслонить ее, но пока не понимал как. Серж обещал добыть информацию о группировке Кировских, и Игнат с нетерпением ждал результатов. Когда на его телефон пришло долгожданное сообщение, ему показалось, что он скоро получит ответы. Но позже понял, что поторопился с выводами.

Сержу удалось отыскать архивный выпуск газеты двадцатилетней давности, на первой полосе которой была фотография участников Кировской ОПГ. Они сидели в ресторане, в деловых костюмах, с самодовольными улыбками на лицах, и смотрели в объектив камеры, как в непроглядное будущее — жесткими, лютыми взглядами. Каждый из них держался за свое место, но большинство не пережило тяжелых нулевых с их бандитскими разборками.

Игнат мгновенно узнал на снимке Вальзера: казалось, за годы он почти не изменился. Но больше его поразило, что он увидел и другого знакомого человека. Даже прежде того, как Серж успел указать на него. Игнат узнал Стаса.

Станислав Далевский, старый знакомый. Игнат недобро усмехнулся, глядя на молодое, но уже тогда неприятное лицо. Интересно, что их пути вновь пересеклись. Игнат крепко сжал в руке телефон, не сводя глаз со снимка. Теперь, когда судьба снова свела их, все будет иначе. В прошлый раз Далевский легко отделался, Игнат не смог с ним разобраться из-за свалившихся на его плечи проблем, но теперь-то он возьмет его за горло.

Отложив телефон, Игнат откинулся на спинку дивана и закрыл глаза, прикидывая дальнейшие шаги. Он был уверен, что Далевский ведет двойную игру, пользуясь доверием Вальзера, и что племянник Стаса стал женихом Влады неспроста. Игнат не сомневался, что Далевский — гнилой человек. И он не позволит ему навредить Владиславе. Теперь Игнат понимал, кто его враг.

В назначенное время Игнат и Алекса направились в дом Вальзера. Хозяин и его супруга лично встречали гостей.

Они производили неоднозначное впечатление: мужчина в возрасте в дорогом костюме глубокого синего цвета казался дружелюбным, но от него незримо исходила угроза. Его молодая жена была чересчур приветлива. Ее пышную фигуру обтягивало короткое красное платье, что выглядело немного вульгарно.

Игнат пожал руку Вальзеру, представил Алексу и с нетерпением ждал, когда увидит Владу. Он заметил ее раньше остальных — появление девушки было бесшумным, словно едва уловимый взмах крыльев бабочки. Влада замерла на лестнице и смотрела на него. В ее глазах он прочитал столько эмоций. Удивление. Смятение. Страх. Нежность. И что-то еще — тревожное, почти отчаянное, но не поддающееся расшифровке. Игнат сразу заметил у нее на воротнике свой подарок, и это его обрадовало.

Вальзер вслед за Игнатом обернулся к Владе и попросил ее подойти ближе. Она явно не ожидала сегодня таких гостей, и когда Вальзер назвал Игната ее спасителем и сказал, что позвал его поблагодарить, Влада смахнула с ресниц что-то, что Игнат принял за слезу. В тот миг его накрыло желание — такое же острое, как в вечер похищения — обнять ее, погладить по волосам и сказать, что все будет хорошо, что бояться нечего. Но он оставался на месте, соблюдая ненавистные рамки приличия, одновременно проклиная их, и не мог сделать и шага.

— Хорошая идея, отец, — с усилием ответила Влада, но на Игната даже не посмотрела, обратив внимание на Алексу.

В ее лице промелькнула немая боль — та же, что он видел, когда у ее горла был нож. Но Игнат не смог понять, что именно так задело Владу.

Алекса тем временем представилась Владе и с улыбкой сказала, что будет рада подружиться. Влада, однако, не сумела ответить Алексе взаимностью даже из вежливости и просто промолчала. Этим она вновь напомнила Ярославу, ведь когда та стала падчерицей Елецкого и многие хотели завести с ней выгодную дружбу, девушка сторонилась повышенного внимания. Когда в разговор вступила мачеха Влады и упомянула о ее любви к книгам, Игната, конечно, это заинтересовало. Но Влада отвечала скупой, всем видом показывая, что не намерена продолжать разговор. Ему хотелось слушать ее голос, почему-то такой родной и словно до боли знакомый.

Во время ужина Вальзер первым взял слово и, поднявшись, поблагодарил Игната за спасение дочери. Его речь не была ни высокопарной, ни лишеной искренности. Он говорил открыто, от всей души. Игнат понимал, что цена его слов невысказанно высока, такой человек юлить не станет. Алекса слегка коснулась его руки, давая понять, что это расположение можно использовать в своих интересах, но Игнат проигнорировал ее жест. Он сделал свой выбор, он будет бороться за Владу — вместе с Вальзером или один против всех.

Когда Вальзер захотел отблагодарить Игната, в бездонных, как омут, глазах Влады промелькнули страх и боль. Но в то же время Игнат прочитал в них непоколебимую уверенность. Делая вид, что поправляет волосы, она едва заметно покачала головой, давая знак, что нужно отказаться от предложения ее отца. Как и в их прошлую встречу, Влада пыталась удержать его от общих дел с Вальзером, будто хотела уберечь от какой-то опасности. Игнат же мысленно повторял: «Не бойся. Положись на меня, я все сделаю правильно». Он бы многое отдал, чтобы она могла прочесть его мысли, но вместо этого Влада решила поспорить с отцом при всех. Ее слова прозвучали высокомерно и капризно, и, если бы не ее взгляд, Игнат решил бы, что вызывает у нее отвращение. Но он знал правду: ее тянуло к нему, как бы она ни пыталась это скрыть. И попытки защитить его лишь усиливали чувство нежности. Когда Вальзер позвал дочь на личный разговор, Игнат напрягся, опасаясь, что тот может проявить жесткость. Его беспокойство заметила Мэри.

— Не волнуйтесь, Илья слишком мягок с дочерью, поэтому Влада позволяет себе лишнее. Точная копия папочки, знает, где может надавить, — с улыбкой заметила она.

Веселый тон Мэри несколько успокоил Игната. Алекса подхватила разговор:

— Мой отец тоже всегда меня балует. Мне кажется, отцы любят дочерей больше всех.

Мэри на этих словах сделала большой глоток вина и даже слегка поперхнулась. Игнат же не согласился:

— Мой отец любил нас с сестрой одинаково, — твердо произнес он, вспоминая, с каким теплом отец всегда относился к Катюше, как ни разу не называл ее чужой.

Когда Игнат узнал семейную тайну, что отец Кате не родной, он понял: настоящая любовь определяется не по крови, она рождается сплетением взаимных чувств.

— Извини, я не так выразилась. — Алекса попыталась яснее донести свою мысль, но Игнат заметил, как ее взгляд то и дело скользит по Мэри, словно оценивая реакцию. — Конечно, отцы, особенно такие замечательные, как Константин, одинаково любят своих детей. Но те, у кого только одна дочь, относятся к ней с особой заботой. Именно поэтому Илья Васильевич пригласил нас в свой дом. Уверена, для Влады он сделает все. Гораздо больше, чем для кого-то другого.

Мэри залпом осушила бокал и, не дожидаясь помощника, обслуживавшего гостей, налила в него еще вина. Далее развивать эту тему не стали и разговор плавно перешел в другое русло.

Алекса обратила внимание на украшение Мэри и поинтересовалась, из какого оно ювелирного дома. Затем перешли к обсуждению моды и прочих женских штучек, которые Игната совершенно не интересовали. Погруженный в свои мысли, он ждал возвращения Влады и Вальзера. Их отсутствие оказалось недолгим. Когда они вернулись, Игната успокоило выражение лица хозяина дома. Вальзер был сдержан и, похоже, удовлетворен. Влада тоже выглядела увереннее, и голос у нее стал мягче, пропали бунтарские нотки, и как будто появилось какое-то умиротворение. Игнату пришлось бороться с нарастающей тоской — тоской по Ярославе. Голос Влады напоминал ему давно забытый голос его девочки. Он выпустил бокал из рук, сжав кулаки так сильно, что побелели костяшки. Игнату было бы проще сражаться с кем угодно. Но в борьбе с самим собой неизменно проигрывал, не в силах преодолеть собственную душевную боль.

Ужин продолжился, и Игнат сосредоточился на разговоре с Вальзером, отмечая для себя качества собеседника, которые выдавали в нем сильного бизнесмена. Время от времени он бросал взгляд на Владу, но она оставалась отстраненной, будто мыслями была далеко отсюда.

Наконец, Вальзер пригласил Игната на личную беседу. Этот разговор мог изменить все, перечеркнуть все предыдущие усилия Игната и навсегда отдалить его от Влады. Но Игнат не колебался — он принял решение.

Кабинет Вальзера оказался небольшим и строгим, с одним узким окном в пол и деревянной отделкой в темных тонах. Свет был тусклым, приглушенным, он едва освещал массивный стол, на котором одиноко стояли только лампа и счетчик банкнот. Никаких бумаг, документов и папок. То ли владелец кабинета обладал феноменальной памятью, то ли никому не доверял, предпочитая не оставлять следов, и хранил самое важное в другом месте. Правда, в углу кабинета стоял огромный сейф, явно хранивший тайны хозяина. Подойдя к нему, Вальзер достал небольшую черную коробку и положил ее на край стола перед Игнатом.

— Я решил отблагодарить тебя подарком, достойным твоего поступка, — сказал он, чуть склонив голову. — Я дал тебе свое слово, но хочу, чтобы у тебя было и это.

Игнат открыл коробку и увидел часы известной швейцарской марки — настоящий шедевр часового искусства, прекрасный в своей утонченности и эксклюзивности.

— Благодарю вас, — Игнат достал часы и повертел в руках, — но они слишком дорогие. Я спас Владу не ради награды, а потому что не мог иначе.

— Бери, — твердо ответил Вальзер. — Жизнь моей дочери бесценна, и это лишь малый знак благодарности.

Поблагодарив его еще раз, Игнат вернул часы в коробку и, заняв широкое кожаное кресло напротив Вальзера, приготовился к разговору.

— Для начала я хотел бы послушать тебя, — кивнув, произнес Вальзер, — а затем обсудим земельную сделку.

Игнат не стал тянуть время и сразу перешел к сути.

— Илья Васильевич, Влада не должна выходить замуж за Марка. Мне кажется, он может использовать вашу дочь для весьма сомнительных целей. Именно про Марка ничего плохого сказать не могу, но его родственник, Стас Далевский, другой разговор. Этому человеку нельзя доверять, — сдержанно, но твердо произнес Игнат.

Вальзер смотрел на него сосредоточенно, не мигая, дыхание оставалось ровным, но холод в глазах становился все сильнее, это чувствовалось так, словно температура в комнате опустилась на несколько градусов.

— Что можешь предъявить ему? — его металлический голос прозвучал так, словно, резал воздух.

Игнат знал, что каждое его слово должно быть четким и безупречно точным. Сейчас на кону стояло слишком многое, возможно, даже его жизнь. Он не знал, что именно связывает Вальзера и Далевского, не исключено, что Вальзер крышует Стаса или у них есть другой общий

интерес. Но для него было ясно: если он выступает против Далевского, то будет противостоять каждому, кто с ним заодно, даже если это Вальзер.

Поступок Игната был несколько рискованным. Но у него не было возможности придумать что-то другое. До свадьбы Влады оставалось не так много времени. Поэтому Игнат решил пойти ва-банк.

— Далевский вмешался в дела моей семьи, — спокойно начал Игнат. — Он ведет грязный бизнес, использует своих «работниц» не только в эскорт-услугах. Это только прикрытие, основная его цель — воровство и слив информации конкурентам. Он занимается мошенничеством и делает это женскими руками. Попросту использует тех, кто приходит к нему за работой, а после вышвыривает как отработанный материал. Так было со второй женой моего отца, и после его подставы погибли она и ее дочь.

Вальзер пристально смотрел на Игната.

— Да, эскорт — грязный бизнес. Мне он не по душе. Но, к сожалению, сейчас им занимаются многие, — ледяным, пробирающим до костей тоном произнес Вальзер.

Он резко замолчал, явно обдумывая услышанное, отчего выражение его лица поменялось, как будто он вспомнил что-то свое, личное, давно терзающее его. Тишина в кабинете стала тяжелой, давящей.

— Есть уголовный кодекс, а есть воровской закон. И в нем, Игнат, свои понятия и правила. По воровскому закону, своих не трогают, за них глотку грызут. Если Стасик бабу сделал подельником и в дело взял, так ему за нее и отвечать. Ты уверен, что он этих девочек потом сам лично сдаст? — Его голос стал еще более жестким.

— Да, — твердо ответил Игнат.

Открытая неприязнь отразилась в глазах Вальзера. Игнату на миг показалось, что воспоминания о личном, до боли пронзающие сердце, и определили его дальнейшее отношение к Стасу.

— Тогда Стас не вор, а гнида, — заключил он, и его лицо исказила гримаса отвращения.

Наступила долгая, напряженная пауза. Игнат заметил, что Вальзер явно не повязан общими делами с Далевским, что придавало ему некоторую уверенность.

— Я должен проверить твои слова, — произнес Вальзер. — Как звали ту женщину?

— Елена Черникова. Несколько лет она работала на Далевского. Он заставил ее украсть документы у Евгения Борисова, это стоило ему состояния. Затем подослал ее к моему отцу. Встреча была спланирована так, что отец не заподозрил подставу. Елена привлекла его: красивая, умная, с хорошими манерами, умеющая поддержать беседу. Отец женился на ней, даже зная о ее прошлом. Все выглядело идиллией. Я сам видел и никогда не считал отца дураком, чтобы его можно было так легко провести. Стасу заказали документы по крупной сделке отца. Он шантажом заставил Елену выполнить заказ, но она ослушалась — принесла неполную информацию и не согласилась доводить дело до конца. Тогда Далевский стал давить на нее, угрожал. Она отказалась выполнить его требования, и он ее наказал.

Игнат замолчал, чтобы Вальзер мог переварить услышанное, затем продолжил:

— Стас отправил отцу видео, как его жена приносила ему информацию по заданиям, снятое скрытой камерой. В тот день, когда Елена узнала о подставе и поехала к Далевскому, чтобы разобраться с ним, она погибла в аварии. Стас уверял меня, что не причастен к этому, в аварии якобы был замешан бывший муж Елены — он погнался за ней. Вместе с ней также погибла ее дочь, Ярослава Черникова. Она боялась за мать и поехала к Далевскому вслед за ней. И я не хочу, чтобы Владислава оказалась в опасности из-за приближенного Далевского. Кроме того, когда Марк войдет в вашу семью и станет мужем вашей дочери, Стас сможет подобраться к вам и вашему бизнесу, а затем легко сольет информацию конкурентам.

Вальзер внимательно, ни разу не прерывая, выслушал Игната, оценивая каждое слово.

— Мне нужно время, чтобы проверить твои слова, — повторил он и прямо спросил: — Тебе нравится моя дочь?

Разговор с Вальзером оказался более откровенным, чем Игнат планировал, поэтому скрывать чувства к Владе не имело смысла.

— Да, очень, — признался он. — Меня тянет к ней, я чувствую, что Влада в опасности, но я могу защитить ее.

— У тебя есть невеста, — напомнил Вальзер, ведь, как и говорила Влада, на отношения ее отец имел консервативный взгляд.

— Это фиктивный брак, между нами ничего нет, — объяснил Игнат. — Поддержка семьи Алексы важна для отца в бизнесе.

— Делаешь это для отца?

— Да.

— А для себя как бы поступил?

— Пригласил бы Владу на свидание, — прямо ответил Игнат.

— Не спеши, парень, — усмехнулся Вальзер. — Вижу, ты уверен в себе, и силу имеешь крепкую, и хватку особую. Да и смелость твоя лихая. То ли дурость, не пойму. Сам таким был, от того дел и наворотил. Но дочь у меня одна, радость моя. Поэтому слова твои без внимания не оставлю, все проверю.

Затем они перешли к обсуждению сделки и предстоящего подписания договора. Ранее Игнат предложил Вальзеру купить у него землю, на которой он хотел построить крупный торговый комплекс. Этот контракт был выгоден обоим. Но Вальзер в последний момент решил внести коррективы в предварительные соглашения.

— Есть предложение, — начал Вальзер. — Пусть моя земля станет вкладом в твой проект, а вы с Владой — партнерами.

Игнату пришлось на время отключить чувства и рассуждать как бизнесмен. С точки зрения финансов, это могло оказаться выгодно, поскольку экономия на земле позволила бы реализовать более масштабный проект, увеличивая доход. Игнат решил не торопиться с ответом: для оценки предложения требовался расчет, но перспектива казалась ему многообещающей. Мужчины завершили разговор и покинули кабинет. Перед тем как вернуться к дамам, Игнат вспомнил о желании взглянуть на библиотеку Влады — он надеялся, что ее книги помогут лучше понять девушку. Вальзер не возражал. Когда они подошли к нужной двери, главу дома позвал начальник охраны.

— Мне нужно отойти на пару слов, — сказал Вальзер. — Осмотрись сам, я закончу и вернусь.

Игнат не ожидал встретить Владу в библиотеке. Девушка стояла напротив картины, прижимая руки к груди. Тонкая, уязвимая, хрупкая. Игнат будто почувствовал, что она изранена тоской и спасается одиночеством. Он мог излечить ее раны.

Он обратил внимание на полотно, которое захватило внимание Влады. На нем была изображена девушка. Яркие краски и алые губы делали ее живой, но холодный серебристый свет луны в ночных водах придавал сцене грустный оттенок, будто лейтмотивом всего произведения была смерть и вечность. Образ вызвал у него мысли о тех, кто ушел молодым и остался в памяти прекрасным и живым. Игнат решил, что девушка на картине спит — безмятежно и мирно. Его объяснение было простым: в жизни и так достаточно смертей, чтобы еще одной посвящать картину.

— Она проснется, — тихо произнес он, зная, что Влада услышит.

Игнат и сам хотел пробудиться, вытащить Владу из ее сна, вернуть к свету. Девушка резко обернулась, когда он приблизился. Желая успокоить ее, он сделал шаг вперед, и она непроизвольно двинулась навстречу, но тут же себя остановила.

В руках она держала книгу, которая сразу привлекла внимание Игната. Когда-то общие интересы сблизили его с Ярославой, и он хотел понять, совпадут ли его литературные предпочтения с теми, что были у Влады. Он осторожно коснулся руки девушки, та вздрогнула от неожиданности, едва не выронив книгу, но Игнат подхватил ее и развернул обложкой к себе. В этот момент его оглушила немая, пронзительная боль. Он замер, а глаза наполнились слезами. Это было то самое произведение, которое посоветовала ему Ярослава, когда они впервые встретились в библиотеке. После ее смерти он перечитывал его, словно надеясь найти в нем что-то, что могло бы вернуть любимую девочку. Теперь судьба подкинула ему этот роман снова, но в руках Влады. Какая жестокая насмешка.

Игнат начал цитировать строки, что навсегда врезались в память, но не смог, болью сдавило горло. Тогда Влада продолжила, словно читая его мысли.

Ее мягкая ладонь вдруг коснулась лица Игната — бережно, нежно, исцеляюще. Он замер, чувствуя, как сердце пропустило удар. Перед ним стояла Влада, но он ощущал Ярославу. Он знал, что это сумасшествие, самообман, но готов был на миг поверить своим иллюзиям. Его фантазия не могла быть правдой, лишь сном, сном над вечностью.

И вдруг все погрузилось во мрак, как уже было однажды в библиотеке, когда свет внезапно погас. За дверью раздался громовой голос Вальзера:

— Всем отойти от окон!

Он был рядом с библиотекой, но не зашел, двинувшись дальше по коридору.

Игнат мгновенно оценил ситуацию, схватив Владу за руку, потянул ее от окна. В темноте они наткнулись на книжные полки, и он прижал ее к ним, заслоня собой. Она не оттолкнула его, напротив прижалась крепче.

Тьма с ним играла, и вновь среди книжных полок поймала в ловушку с той, кто влекла немислимой силой. Игнату казалось, что реальность слилась с тем днем из его прошлого, когда он точно так же был близок с Ярославой, также среди книг, в библиотеке. Сейчас здесь, совсем рядом, была Влада — та самая девушка, которая раз за разом притягивала к себе сильнее, чем он мог позволить. Игнат чувствовал, как теряет контроль. Опасность? Нет, это было нечто другое. То, что билось в груди и сжигало изнутри. Желание.

С тех пор, как он впервые коснулся ее губ, ему хотелось умолять о поцелуе. Это звучало безумно, но разве сейчас имело значение? Главное — не напугать ее, не сделать хуже. Она уже несколько раз отталкивала его, и он боялся снова получить отказ. Ему было важно понять, что она хочет того же. И Влада позволила себя поцеловать.

Темнота укрыла их, словно союзник, позволяя слиться в поцелуе, о котором он так давно мечтал. Но Игнат не спешил, он хотел насладиться. Ее губы были теплыми, пьянящими. Она прикасалась к его волосам, ласкала лицо, и даже не представляла, как заводила. Игнат чувствовал, как дыхание становится неровным, мышцы наливаются тяжестью и пульс стучит в висках.

Он целовал ту, которую любил. Она перестала быть призраком, тьма вернула ее. Это был не просто поцелуй — это было освобождение. За все годы без нее, за все слова, которые он не успел сказать, за все ночи, которые провел в одиночестве, держа в сердце ее образ. Он знал, что этот миг был хрупок и опасен, но, ощущая ее губы, близость, не хотел думать ни о чем.

Его любовь стала осколком прошлого — порождением тоски, оплотом одиночества, терзанием себя за то, что он живой. Иссеченная, изуродованная его душа потеряла лик, обратившись в печаль. Ни к кому Игнат не испытывал таких чувств, как к Ярославе. Он любил девушку-призрака, оставив в памяти ощущение ее мягких губ.

И сейчас, осторожно целуя Владу, он испытывал знакомое головокружительное чувство. Вкус этих губ ему был знаком. Вкус пломбира. Вкус наваждения. Поэтому целовал неистово, отдавая сполна себя за годы, что провел во мраке, за годы не жизни, а существования. Он жадно хватал воздух, будто все это время не дышал. Таким было его покаяние за ту, которую потерял. Таким было его искупление за ту, которую обрел.

Игнат считал, что, пережив утрату, внутри стал пустым, до пепла выгоревшим, но рядом с Владой из пепла возрождалось пламя. Будто во тьме вспыхнули потухшие свечи. Иначе, чем в книге Карризи.

Окутавшая их темнота играла с ними, но не обманывала. Влада искренне отвечала на поцелуй, а касания ее рук были запредельно нежными. Неожиданно на глазах у девушки появились слезы. Перед ним раскрывалась настоящая Влада, она словно скинула невидимую маску, под которой пряталась измученная душа. Игнат ясно почувствовал — он ее уже знает. Влада прервала поцелуй. Резко отстранившись, она прошептала, что они должны остановиться. В этот миг вспыхнул свет, заставив его на мгновение закрыть глаза. А снова открыв их, он вернулся в реальность. Все стало прежним, в этом мире не было места призракам. Игнат протянул руку, чтобы дотронуться и убедиться, что она не исчезнет, но Влада отстранилась, закрыв лицо руками.

Вскоре Игнат с Алексой покинули дом Вальзера. Игнат так и не смог выбросить из головы образ Влады, нежность ее губ отпечаталась в его памяти, и он понимал, что не сможет переключиться на что-то другое. Даже когда они с Алексой оказались вдвоем в машине, его мысли витали далеко.

В салоне воцарилась тишина, которую прерывал лишь шелест колес. Охрана и водитель сидели впереди, за звуконепроницаемой перегородкой, и Алекса, не боясь, что их услышат, осторожно начала разговор.

— Она тебе нравится, правда? — спросила, нервно теребя браслет на тонком запястье. Игнат только сейчас вынырнул из своих мыслей, обратив на нее внимание.

— Кто? Ты о ком?

— Ты знаешь, о ком я. — Алекса не собиралась отступать. — О Владе.

— С чего ты взяла?

— Брось, Игнат. — Она чуть приблизилась, положив руку ему на плечо. — Со мной ты можешь быть откровенным, ведь мы давно знаем друг друга. Мы, конечно, не лучшие друзья, — с ноткой сожаления добавила она, — но скоро станем мужем и женой. Ты можешь мне доверять. Я не стану требовать больше, чем прописано в договоре, просто хочу, чтобы мы могли быть честными друг с другом.

Игнат не понимал, зачем Алексе нужна эта откровенность, но отчасти был согласен с ней. Их отношения носили сугубо договорной характер, и обманывать ее было бы нечестно.

— Да, нравится, — ответил Игнат прямо.

— Я рада, что ты смог мне довериться. — Алекса слегка улыбнулась. — Обещаю, что тоже буду с тобой откровенна. Если тебе интересно мое мнение, Влада мне понравилась: симпатичная, но скрытная, конечно, и не так хорошо образована, как девушки в нашем кругу, но ведь мужчинам это нравится.

— Что ты имеешь в виду? — нахмурился Игнат.

— Чувствовать себя завоевателем, — пояснила Алекса и добавила, словно между прочим: — Ты должен знать, у Влады есть жених. Их свадьба состоится вскоре после нашей, и тебе не стоит забывать...

— Достаточно, — резко оборвал ее Игнат, раздраженный вмешательством в его мысли.

— Извини, милый, — проворковала она, сменив тон на более мягкий и примирительный. — Просто хотела дать тебе дружеский совет.

— Я за ним не обращался, — ответил Игнат сухо, стараясь держать дистанцию.

— Да, конечно, — согласилась Алекса, потупив глаза, но тут же добавила: — Просто я волнуюсь за тебя, не хочу, чтобы ты страдал... как твой отец...

— Хватит, — перебил Игнат резко, не позволяя ей продолжать.

Никто не знал, что пришлось пережить его отцу и как он до сих пор переживает. Но слова Алексы посеяли в нем сомнения, он задумался. Что с ним происходит? Если он любил только Ясю, то, может быть, с Владой действительно только страдает?

Алекса с горечью вздохнула. Игнату пришлось извиниться.

Глава 9. Точка кипения

Эта поездка далась Алексе с трудом. Возвращаясь домой, она прокручивала в голове события последних дней. Сохраняя вежливую улыбку, сама закипала внутри от злости. Ей надоели бесконечные поучения родителей, наставления, каким должен быть ее внешний вид, что говорить, как держаться. Разве ей нужны эти нескончаемые нотации? Она сама прекрасно знала, что ей нужно для счастья.

Себя Алекса считала идеальной. У нее было все: и ум, и красота, и тонкая хрустальная фигурка. Лишь одного ей не хватало для завершенной картины — идеального мужчины рядом. Она знала, кто им должен быть. На нее обращали внимание многие — влиятельные, успешные, богатые, но всем им она противопоставляла Игната Елецкого, и ни один не выдерживал конкуренции. Только он казался по-настоящему достойным. Только он мог стать ее спутником жизни.

Алекса жила одной целью — завоевать сердце Игната. Она готова была дать ему все, что он пожелает, и ради этого пойти на любые, даже безрассудные поступки. Она боролась за него как могла. Но как бы она ни старалась, Игнат словно не замечал ее усилий. А теперь к этому добавилась еще и мерзавка Влада!

Отец настоятельно рекомендовал ей подружиться с дочерью Вальзера. Алекса умела заводить выгодные знакомства, но гораздо сложнее было создать видимость дружбы с этой нахалкой. Влада напоминала ей другую девицу из прошлого Игната — его покойную сводную сестру, ту самую «серую мышь», как она ее про себя называла. Но в случае с Владой дело обстояло еще хуже. Влада отличалась упрямством и самоуверенностью и, в отличие от Ярославы, обладала статусом и деньгами. Алекса едва переносила мысль, что эта девушка воображает себя равной ей. Ее самолюбие было задето, она злилась — на Игната, на Владу, на всех, кто ставил их в один ряд. Оказывается, эту девку хотели похитить, а Игнат, любимый Игнат, спас ее, рискуя собой. Разве он должен был поступать так ради нее?

Кто она вообще такая? Всего лишь дочь Вальзера, которую держат взаперти, нахалка без манер и воспитания, а по сути никто без криминального авторитета своего папочки. Как сказал отец Алексы: «Дочь Вальзера — всего лишь пешка в грязных играх. Когда Вальзера уберут, ее тоже сотрут в порошок». И как же Алекса желала, чтобы это случилось поскорее.

Ей не давал покоя один момент в самом начале ужина. Влада проявила себя с отвратительной стороны, когда наперекор отцу предложила Игнату вознаграждение за свое спасение. Ее высокомерие поразило Алексу. И хотя Игнат выглядел внешне сдержанным, она видела, что он не мог отвести от Влады взгляда. Алекса сразу заметила странную и необъяснимую связь между ними. Она почувствовала нечто, чего никогда не было между ней и Игнатом, как бы она ни старалась быть к нему ближе.

Заметив притяжение между ними, Алекса вознегодовала. Она обладала природной интуицией и не зря начала ревновать Игната к Владе. Она будто вернулась на шесть лет назад, когда Ярослава была жива. И сейчас ревность стальной стрелой снова пронзила ее сердце. «Он мой, и я его никому не отдам», — твердо решила Алекса, сжимая пальцы в кулак так сильно, что ногти впились в кожу. Внутри нарастала ненависть, но внешне она продолжала изображать милую, покладистую невесту.

Алексе пришлось еще и любезничать весь вечер с этой Мэри, женой Вальзера, вульгарной куклой, оказавшейся явно не на своем месте. Она вызвала у нее чувство брезгливости. Однако Алекса была стратегом: занять дружбу с Мэри могло оказаться полезным. Она намеренно завела разговор об отцовской любви к дочери, желая прощупать, как мачеха относится к падчерице. Ведь только они вдвоем были претендентками на состояние Вальзера. А оно было достаточно большим, чтобы им захотелось делиться.

Сама мачеха рассказывала о Владе с пренебрежением. И хотя она знала о падчерице не так много, но вспоминала о ее матери, угодившей в психушку, а также добавила, что у девушки есть жених. Алекса зацепилась за эту информацию, приберегая для Игната, чтобы проверить, как он отреагирует. Если он узнает, что Влада не так чиста и наивна, как он думает, это, возможно, оттолкнет его от нее.

Но Влада, оказывается, не так проста, Мэри отметила ее ум и сдержанность, что лишь укрепило подозрения Алексы. Ведь если Влада что-то скрывает, то нужно узнать ее слабые места. Окончание вечера было и вовсе отвратительное. Когда свет в доме внезапно погас, спокойствие Алексы окончательно рухнуло. В ту же секунду Вальзер скомандовал всем отойти от окон. Но куда прятаться на мансарде, где окна окружали со всех сторон? Они с Мэри повалились на пол, пытаясь укрыться за небольшим чайным столиком, который явно не справлялся с этой задачей. Столкнувшись в панике, Алекса нечаянно ударила Мэри в глаз, а та от неожиданности заехала Алексе в челюсть.

Затем выяснилось, что Игнат, вместо того чтобы искать и защищать невесту, находился в библиотеке с Владой. «Несносная девка!» — зло подумала Алекса, представляя, что они могли делать наедине в темноте. Это стало точкой кипения. Такого унижения девушка не могла пережить и злилась еще больше на себя, Игната, родителей, Владу. Если родители, особенно мать, узнают, что жених Алексы открыто бежит за другой, ее поднимут на смех. Укажут Алексе на несостоятельность по всем фронтам. Все эти мысли обуревали Алексу и разъедали ее изнутри. Ей нужно все хорошо обдумать, чтобы решить, что делать дальше.

Наконец, после долгого вечера, по дороге в гостиницу Алекса попыталась разговорить Игната, сдерживая бурю обиды и возмущения, накипевших с самого ужина. Она напомнила Игнату об их договоренности быть откровенными друг с другом и что их связывает только договор. Это сработало, и Игнат признался, что Влада ему нравится. На мгновение улыбка слетела с лица Алексы, но она быстро взяла себя в руки, сообщив между делом, что Влада помолвлена. Правда, должного эффекта на Игната эта новость не произвела. Выходит, он знал - у Влады есть жених, но его это не волновало, что разозлило Алексу еще больше. Охваченная негодованием, она выстрелила последним аргументом — упомянула о страданиях Елецкого-старшего.

Ей хотелось, чтобы Игнат почувствовал хотя бы частичку той боли, что сжигала ее. И, кажется, последние слова возымели эффект. Игнат погрузился в задумчивое молчание. Будто опытный хакер, Алекса подбирала ключи к сердцу Игната и не собиралась отступать.

Глава 10. Лучшие друзья

Уже поздним вечером Серж получил сообщение от Игната: «Не стоило так переживать, моя вторая мамочка. Все прошло лучше, чем я мог ожидать. Влада будет моей, это решено. И еще зацени, какой мне вручили презент». Следом за сообщением пришло фото. На снимке Игнат сжимал часы, стоившие целое состояние. Когда Серж осознал, чей это подарок, его пробила холодный пот. Он тут же перезвонил Игнату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.